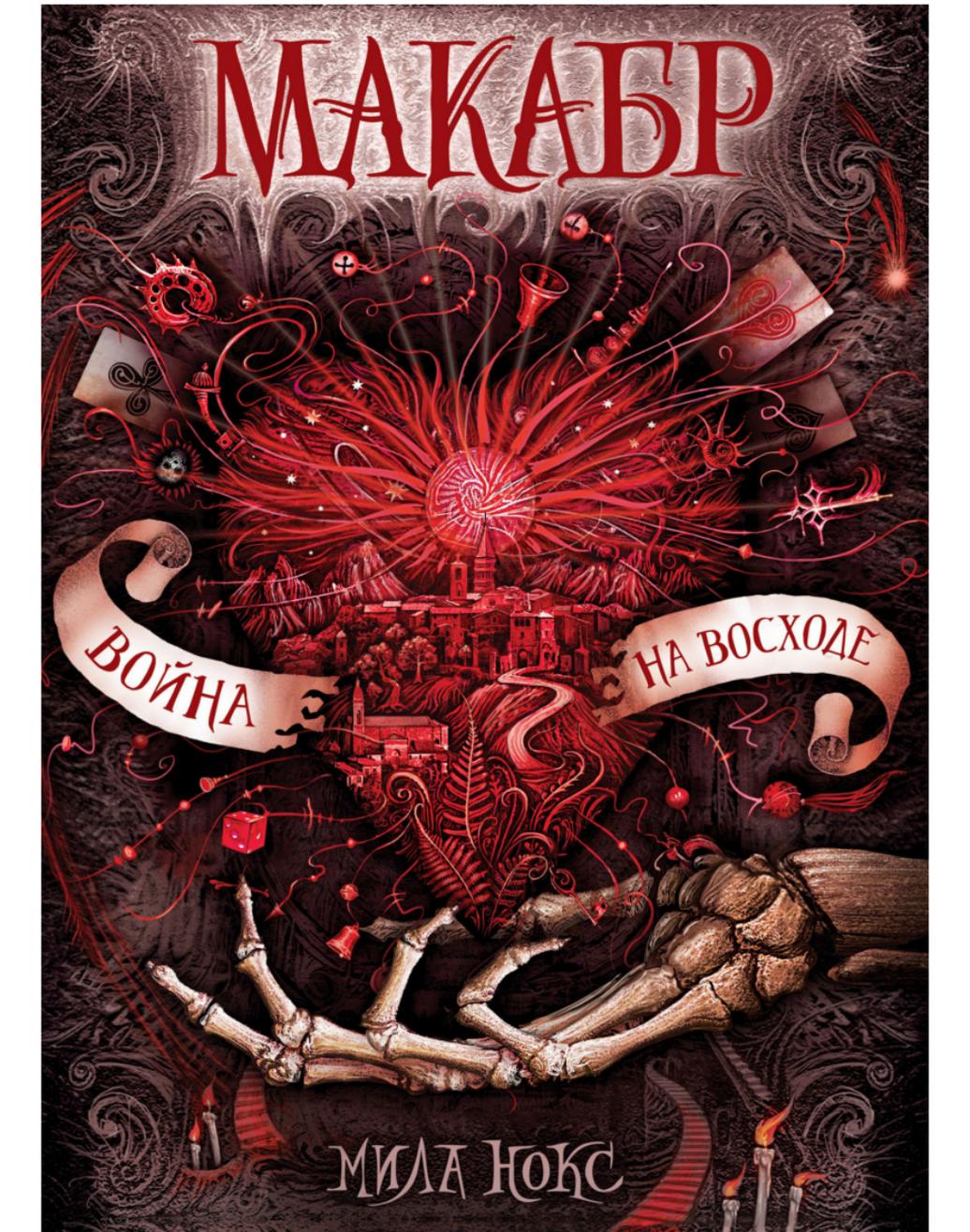

МАКАБР

ВОЙНА

НА ВОСХОДЕ

МИЛА КОКС

Мила Нокс
Война на восходе
Серия «Макабр», книга 3

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37667676

Война на восходе : РОСМЭН; М.; 2018

ISBN 978-5-353-08837-0

Аннотация

«Война на восходе» – третья, завершающая книга фэнтези-серии «Макабр» писательницы Милы Нокс, победителя VII сезона литературного конкурса «Новая детская книга».

Теодор Ливиану и его друзья с победой вернулись из мира Смерти в Трансильванию. Однако вскоре тот, кто казался игрокам Макабра другом, начинает на них охоту. И это всего лишь первый шаг к войне, в которой он хочет уничтожить всех – и живых, и нежителей. Даже неожиданным союзникам Теодора, которые посвятили жизнь истреблению нелюдимцев-стригоев и их теней, не по силам остановить его.

Станет ли эта весна последней для мира людей? Или Тео с друзьями все-таки сможет призвать в Трансильванию ту, что зовется «Л»?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	23
Глава 3	41
Глава 4	70
Глава 5	85
Глава 6	120
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Мила Нокс

Война на восходе

© Мила Нокс, 2018

© Макет, оформление. ООО «РОСМЭН», 2018

* * *

Макабр – по средневековому поверью – «пляска смерти» («La Danse macabre»), в которой мертвецы увлекают за собой живых в смертельный танец.

Глава 1

Об огоньке в пустующем доме

*25 февраля,
за три дня до начала Макабра,
Великой Игры со Смертью*

На пути к городу Китиле стояла деревенька, а на краю деревеньки – дом. Он пустовал много лет. Саманные стены обветшали, побелка и черепица осыпались, хмель оплел то, что осталось от забора. Разглядеть сарай для гусей за кущами

теперь не удавалось.

Дом был мертв.

Но сегодня в нем горел огонек.

Первые звезды зажглись над вершинами Карпат. Весна уже близко и скоро распустятся подснежники, но темнело пока еще рано.

– Говорила, не надо было засиживаться, – проворчала женщина. Кутаясь в кожух, она брела по островкам хрусткого снега. – Ну, поздравили, попрасидновали, и хватит. Зачем столько сидеть? Вон уже темно!

– Богдана, успокойся, скоро придем, – отмахнулся мужчина. После череды рюмок ему стало жарко, и он стянул шапку, как и усатый дородный свояк, топающий сзади.

– А если волки?

Кудрявый мальчуган, плетущийся за Богданой, округлил глаза.

– Ой, да какие волки!

– Я же рассказывала про Марту!

– Ну, выскочил на нее волк, подумаешь. С кем не бывало. Спички носи с собой, да и все. Не съел же.

– Карпаты рядом! Лес как-никак! Чего там только не водится... И волки, и шакалы, и...

С горных склонов донесся вой. Звук перекатывался по долинам, наливаясь холодом. Мальчишка подвинулся к матери. Впервые ночью он был так далеко от дома. Ему казалось, они идут вечность, хотя от Китилы до Яломицы всего час

хода.

– Ну, хватит. – Мужчина махнул рукой. – Вон уже дворы.

Из мрака выступили первые дома Яломицы, а по правую сторону затемнели верхушки курганов – древних могильников, оставленных даками тысячи лет назад. Ветра до сих пор не стерли напоминание о том, что там, под холмами, лежат царственные мертвецы и их жены.

При виде курганов Богдана поежилась. Потянулась к вороту, чтобы сжать деревянный крестик, спрятанный под кожухом. А тут еще проклятый дом на пути. Она всегда отворачивалась, когда ходила в Китилу, но, если отправляешься в город, хочешь не хочешь, а придется по пути обогнуть это скверное место.

Мужчина зевнул, почесал затылок и обернулся:

– Ну, не устал?

Мальчик не ответил.

– Дануц!

– Свет.

– Чего?

– В окошке свет.

Мальчик указал на дом, стоявший в отдалении от других, – между черных скелетов деревьев белела обшарпанная хата. Мужчина хмыкнул и прищурился.

– Ба! Точно! Хе, небось какая-то малышня залезла. Идиоты, а! Ты смотри не лажь, – он обратился к мальчишке, – слышал?

Дануц охотно кивнул.

– Нехороший то домик.

– Хватит! – поежилась Богдана.

Тут их нагнал отдувающийся свояк.

– Чего, говоришь, нехороший?

– Дом.

– А, этот, с краю?

– Ага. Жила там одна семейка, как их... Лазаряну, что ль?

Мужик забулдыга был тот еще, да погуливал, а потом...

– Хватит! – оборвала его Богдана. – Не надо на ночь такое рассказывать.

– Да-а, и поколачивал ее вдобавок... Ну а потом, как Лазаряну рассказывал, пришел после работы – двери открыты, ужин на столе, а жена куда-то запропала. Так и не нашлась! Всякое говорили, мужика того проверяли, мало ли, лишку дал сгоряча...

– И чего?

Сонные глаза свояка заблестели. В маленьких деревнях такие истории любили больше, чем жен: только дай опрокинуть стакан-другой, и начнутся мистические толки: там слышали, тут видели.

– В том и дело – ничего! Но потом...

– Сорин!

Сорин сделал пару шагов по хрусткому снегу и продолжил:

– В общем, нашли того мужика только через неделю. Ду-

мали, в запое. С работы пришли, а он лежит на заднем дворе. Синий. И куры все глаза уже выклевали.

Богдана возмущенно зароптала. Дануц споткнулся, засмотревшись на огонек. Вон как мерцает: то скроется за черным кружевом старого сада, то вновь запляшет. Дальний, странный.

«Это свечка, – понял он. – Интересно, кто ее зажег?»

Мальчишка вспомнил, как поп держал мерцающую свечу на похоронах бабушки. Как в ночь на Пасху целый рой огоньков, словно слетевшиеся светляки, освещал церквушку. В свечках есть что-то таинственное.

Дануц мелко задрожал, но не от холода.

Мужчины тем временем переговаривались:

– И кто это его?

– Да неизвестно. Вся деревня голову ломала. Чего только не болтали! Но не выяснили. Забросали Лазаряну землей и забыли. Детей у них не было, она вроде как... ну, не могла. Это был третий ее мужик, остальные спились. А потом всякие страхи твориться там начали...

Дом приближался. Все четверо поглядывали на огонек. В суеверной тишине каждый шаг по скрипучему снегу раздавался выстрелом, и Богдана сжала крестик крепче.

– Чего там?

– Через пару недель после похорон сосед спьяну попутал ворота, забрел к ним во двор, а выскочил протрезвевший.

Свояк крякнул.

– Его и спрашивают: «Чего несешься? Кто напугал?» А он: «Лазаряну». Все покрутили пальцем у виска. «Лазаряну в прошлом месяце закопали, совсем сдурел?», а он такой: «Лазаряну... еще там».

Дануц споткнулся, и мать подхватила его за шиворот.

– Эй, слышите? Хватит болтать! А ты уши заткни. Нечего пьянчуг слушать!

– Еще тень видели. И не раз. Да, я тоже видел.

– Да ну. – Свояк махнул рукой. – Какая еще тень?

– Там ходит тень этого Лазаряну... Видать, не лежится мужику в гробу. Говорят, ищет свою зачанку. А кто бутылку найдет, брать нельзя, не то призрак явится за ним и в окно будет стучать.

Свояк фыркнул.

Ветер свистел над могильниками. Луна расстилала пепельный свет на черную землю между лоскутами снега – днем пригревало, снег таял, а к ночи снова леденел. Деревня придвинулась. Проклятый дом остался за спиной, и Дануц то и дело оборачивался, чтобы еще раз глянуть на призрачную свечку в провале окна. Где-то тявкнула собачонка, и на душе потеплело от близости жилья. Но на дороге было по-прежнему темно, а могильники наступали темными горбами.

– Ма-а-ам, – позвал мальчик. – Там кто-то кричит.

Богдане почудилось, она ослышалась.

– Что?

– Кричит. Там.

Мальчик протянул руку к дому.

Повисло молчание. Сорин обернулся и тут же столкнулся со свирепым взглядом жены. Воздух задрожал, будто близилась буря.

– Вот видишь, что вы сделали? Наболтали тут всякого! Любители чертовщины, прости господи! Ребенок же не глухой, все слышит!

Мужчины молчали. Морозный воздух звенел тишиной, только где-то тоскливо выла собака, которую не спустили с цепи.

– Ма-а-ам. Ну кричат же.

Богдана бросилась к мальчишке, схватила за руку и потянула вперед. Проносясь мимо мужа и брата, она процедила сквозь зубы:

– Мало того что один такой... Теперь и этот... Никто не кричит! Не фантазируй! А ты, – она рывкнула мужу, – придержи язык. Как выпьешь, так сдержаться не можешь! Один муж ребенка с ума свел, теперь другой...

Сорин прикусил язык. В его замутненный наливкой мозг ворвалась мысль, что он наболтал зря... Прошли годы, но Богдана до сих пор ждала первого сына.

Сам-то Сорин был не родной отец Дануцу: первый муж Богданы спился, потом она встретила Сорина и переехала к нему в Яломицу с двумя детьми. Он тогда и не знал, что семейка их со странностями. Об отце детей, оказывается, ходили странные слухи. А как тот спился, так начались при-

чуды и со старшим сыном: стал слышать непонятно откуда голоса. Сорин с Богданой повели его к бабке-гадалке. Не помогло. Еще воск вынесла в чашке: а он застыл в виде креста. Перепугались. А бабка говорит: это не крест, это меч.

И что это значит?

«Не вашего ума дела, – отвечает, – а он подрастет, сам поймет. – Потом наклонилась и жарко зашептала – так, что один Сорин услышал: – Мальчишку берегите. Особенный он. Охотник».

И больше – ни слова.

Потом мальчишка понял, что его рассказам не верят, и замкнулся. А совсем скоро ушел из дома. Богдана ждала сына, ждала. Годы шли один за другим, но мальчик пропал. Навсегда... Младший подрастал. Ребенок как ребенок. А как научился говорить – нет-нет, да скажет что-то странное. И чем старше становился, тем больше было этих странностей.

Ходили хоронить бабку, а он во время процессии все смотрел в сторону и глаза тарашил так, что пришлось дать подзатыльник. А вечером спросил за ужином: «Что это за прозрачные люди на кладбище?» Мать чуть ложку не выронила.

Сорин поглядел на Дануца – мальчишка плелся, вцепившись в рукав материнской дубленки. Маленький, худой. Над воротником торчат кучерявые волосенки. Совсем как у пропавшего брата – они с каждым годом все схожей.

Сорин покачал головой.

Дануц то и дело оглядывался, но взгляд скользил мимо людей, на дом. Сорин тоже обернулся. Ему почудилось, будто в далеком окне чья-то рука накрыла свечу. Огонь погас.

Дом вновь был мертв.

Свояк брел в стороне недовольный. Эти родственнички, чуть что, сразу гавкаются. И зачем Сорин женился на женщине с двумя детьми, да еще из странной семейки? Он вдруг заметил на снегу следы от лап. «Лиса? Курей небось прибежала воровать. Эх, изловить бы...» Он оглянулся и заметил, что лиса бежала по дорожке, а потом сошла в сторону и направилась в проклятый дом.

Свояк передернул плечами.

К вечеру Мария Ливиану спустилась с гор в обличье лисы. Она думала об одном: догнать Лазара, пока тот не наломал дров. Отправился в Китилу говорить с мэром Вангели! Ну и пусть он настоящий отец Тео! Отец – тот, кто дал жизнь, а ведь Лазар спас Теодора, значит, отцом теперь можно считать его. Но Лазар вбил себе в голову, что Тео испортился... Нет, его нужно остановить.

А еще сон, в котором Тео открывал дверь, а по ту сторону стоял Лазар. Они очутились в мире Смерти... Ужасный, кошмарный сон.

Мария остановилась на пригорке у курганов. Грудь ее тяжело поднималась и опускалась. По ту сторону тракта расстилалась деревенька – кое-где горели окошки, где-то лаяли собаки, хлопали двери. Ветер доносил запахи людей и скот-

ного двора.

Яломица.

Мария знала, что родная деревня будет на пути, но не предполагала, что почувствует, увидев ее спустя годы. Когда-то Мария сбежала в Китилу, познакомилась с Лазаром, потом согласилась стать матерью для Тео.

Они создали семью! Отец, мать и сын. И неважно, что двое мертвы, а мальчик и вовсе ни туда ни сюда. Кому какое дело? Главное, у нее есть ребенок! Мария для этого вернулась нежительницей – чтобы стать матерью.

Теперь женщина стояла у деревни, где все началось, и воспоминания нахлынули горечью. Она пробежала мимо курганов к окраине Яломицы. В стороне от дворов стоял тот, что когда-то был ее собственным. Скособоченную хатку подпи-рала старая слива – неужели еще цветет весной, после стольких лет? По брюху дома, кое-где еще белеющему побелкой, расплзлись жуткие трещины, окна смотрели сквозь спутанные ветви, точно два темных, затаивших тайну глаза.

Она вспомнила прежнюю жизнь, и сердце защемило. Когда-то она бегала девочкой по улицам, и будущее казалось ей прекрасной тайной, которую она однажды откроет.

А потом взрослая жизнь.

Ребенок, который так и не родился. Смерть мужей. Несчастья.

Этот дом. И та ночь.

Мария долго стояла на дороге. Опомившись, сделала шаг

вперед, потом другой. Вид запущенного двора точно околдовал ее. Оказывается, после них в доме никто не поселился. Она этого не знала.

Ушла, сжигая мосты, и заставила себя все забыть. Хотя Лазару она рассказала правду. Именно потому и пошла за ним – даже зная о ее поступке, Лазар отнесся к ней с добротой. Его способность прощать и любить тронула ее, и Мария предложила вместе воспитать мальчика.

Как странно, что лучший муж у нее появился после смерти!

Мария сбежала с дороги и направилась к жилищу. Калитка обвалилась – она и при ее жизни уже шаталась, а Янко и не думал приладить! Дверь в дом заперта. Мария прикоснулась к ней лапой, и пустой двор огласил скрип. Створка отворилась сама по себе. За проемом показалась темная комната.

Мария замерла.

Она знала, пора уходить, – ведь желание увидеть дом пришло неожиданно. Проклятая тоска притянула к этому месту.

Но Мария все же перекувырнулась через порог. Когда ее лапы коснулись пыльного пола, тело вытянулось, лапы удлинились и обернулись человеческими ногами, лисий нос будто втянулся внутрь черепа, а черные круги на морде стали очками – и вот с пола поднялась женщина с лисьей шкурой на плечах. Невысокая, серенькая – таких неприметных по деревьям полным-полно.

Мария вдохнула и закашлялась: даже воздух в доме про-

тух. Она достала свечу, чиркнула спичкой и сделала несколько шагов с огоньком в руке, освещая темное помещение: кровать покосилась, стол едва стоит на кривых ножках. Кусок ткани, присохший к стене, оказался старым полотенчиком.

Женщина поставила свечу на окно и уставилась на свое отражение в мутном стекле. Сердце заныло при взгляде на обветшалое жилище, а ведь когда-то здесь она жила...

И умерла...

Мария обернулась, пробежала взглядом по утвари и остановилась на печи. Острый выступ, выложенный изразцами, голубыми, точно яйца дрозда. Марию пробил дрожь, губы затряслись, и хоть она попыталась совладать с собой, не смогла. Страх и боль пронзили ее до нутра.

Взгляд точно приковали к этому месту.

Он смог оттереть кровавое пятно.

Мария думала, они узнают. Увидят и все поймут.

Всплыли последние воспоминания. Муж, склоняющий к ней красное от гнева лицо, – дышит жарко и прерывисто. Мутные пьяные глаза вдруг округляются. Он испуган. Впервые в жизни так сильно. Она же бессильно стонет, сползая спиной по изразцовой печи, проводит дрожащей рукой по голове, на пальцах остается что-то липкое. Кровь.

А потом.

Она сползает на пол и...

Мария закрыла глаза, так же как и тогда, и попыталась

угомонить сердцебиение.

Она думала, он признается. Получит наказание. Но нет.

Мария не получила могильного камня. Ее имени нет на кладбище, никто не принесет поману. Все забыли о том, что Мария Лазаряну когда-то ходила по этой земле, радовалась солнцу! Янко закопал ее в лесу на дне старой медвежьей берлоги. Тело не нашли, хотя Мария хотела, чтобы кто-нибудь предал ее земле как положено.

«Трус...» – Губы женщины скривились, всегда покорное лицо перекосилось. В глубине этой забитой женщины все еще жила душа, жаждавшая вырваться на волю. За то время, что мужья угнетали ее – второй вслед за первым, третий вслед за вторым, – эта забитая душа стала душой убийцы.

Скрип. Мария повернула голову и увидела, что закрытая раньше крышка погреба теперь открыта.

Подвальное помещение, затянутое паутиной, зияло темнотой.

Мария вздрогнула. Скорее почувствовала, чем поняла: здесь быть нельзя. Нельзя! По полу потянул сквозняк – тоненькая струйка воздуха и опасности. Мария отступила. Еще и еще. По ноге поползло мерзкое чувство холода, пронзающее до костей. словно чья-то ледяная рука провела по коже, и женщина мелко задрожала, прикрыв на секунду веки. Воздух стал гуще. Темнее. Удушливее. Чей-то вздох коснулся щеки, скользнул за ворот рубахи, в нос ударил могильный

запах.

Сердце замерло и упало.

Мария знала: позади нее что-то стоит.

И если она сейчас обернется, то...

Из глубины погреба раздался голос:

– Я знал, что ты придешь.

Мария распахнула веки.

Скрип-скрип. Рассохшаяся лесенка стонет под ногами.

Шаг за шагом кто-то поднимается из подвала. Пара мгновений, и в темном квадрате появляется силуэт. Мария хотела сдвинуться с места, но не могла. Глаза ее впились в силуэт.

Слишком поздно. Не надо было приходить.

Над крышкой погреба показалась всклокоченная макушка, затем лицо. Кожа – ледяная и синюшная. На лбу – вспухшие вены, похожие на багровые ручьи. Темные глазные яблоки ввалились, зрачки сально блестят в тусклом свете, льющемся от свечи на подоконнике.

Янко.

Губы сами произнесли имя. Хотя узнать его было трудно. Он вздрогнул. Точно много лет не слышал этих звуков. Впрочем, так оно и было.

Он умер. Сгинул.

Она сама пришла к нему, когда очнулась и поняла, что стала перекидышем-нежителем. Застряла между жизнью и «тем, что дальше», чтобы завершить какое-то дело. И она завершила, как поначалу думала. Однажды ночью, когда спа-

ла вся деревня, открыла покосившуюся калитку в этот двор. Собака не гавкнула, только заскулила и забилась в будку. Мария прошла мимо черных слив, мимо вывешенного белья и неухоженных грядок.

Он был на заднем дворе.

Там и остался, когда она ушла.

С той лишь разницей, что между его лопаток блестел нож.

Он умер, сгинул. Но он жив.

Мария втянула сквозь зубы гнилой воздух, выпрямила спину. Мысли лихорадочно метались в голове, внутренний голос приказывал бежать, но она словно застряла между выходом, возле которого притаилось что-то жуткое, и этим трупом у подвала. Янко растянул неожиданно яркие, красные губы:

– Не дергайся.

Перевел взгляд на что-то позади нее.

Она потянулась рукой к ножу, но он захрипел:

– Нет.

– Ты же умер, – выдохнула Мария.

– Как и ты.

Сделал шаг, другой. Скрип-скрип. Ноги попали в круг света. Босые, грязные, между пальцев – черные комки. Пахнет так же: она и отсюда чувствует. Сырая холодная земля. Глина. Старое тряпье. Сырое мясо. Мария содрогнулась снова, по позвоночнику пробежала волна мурашек.

– Я ждал тебя. Знал: придешь. – Усмешка Янко расплз-

лась по лицу раной.

Он осмотрел ее с ног до головы, задержал взгляд на шкуре и тяжело засипел:

– Перекидыш-ш.

Марии стало не по себе.

Его красные губы расходились и смыкались, точно края пореза. Кожа обвисла, космы болтались перед лицом, когда мужчина двигал головой. Плечи прикрывали нестиранные лохмотья, на рукавах темнели пятна. Кровь? Его ли? Нет, не его: он хватал кого-то руками, а потом... Темные пятна на груди, у ворота. На шее тоже видны засохшие кровавые дорожки. То есть потом он...

Марии стало плохо.

Янко приподнял подбородок. Сощурившись, поглядел на нее. Молчание затягивалось, а тьма собиралась вокруг как туча в ненастную ночь. Мария взяла себя в руки, чтоб выровнять голос:

– Зачем ждал?

– Знаешь.

– Ты – нежитель. Вернулся, значит...

Не договорила. Нежитель. Вернулся. Ради цели. Какой? У него может быть только одна цель... Ей вдруг стало ясно. В животе похолодело, и Мария тяжело задышала.

– Стригой могут впадать в спячку. Особенно когда напьются крови. Знала? Может, и не слышала про таких, а? Ну так узнаешь... Месяцы, годы в оцепенении. Только укром-

ное место найти, чтоб никто не беспокоил. Я искал тебя, но ты исчезла из Яломицы. А я очень хотел найти и решил дожидаться тебя здесь. Ты ведь такая слабая... Всегда жалеешь о прошлом, цепляешься за былое. Все равно пришла бы сюда рано или поздно. Правда, здесь рядом люди, но об этом я позаботился. Сюда они не сунутся. Побоятся.

Он перевел взгляд за ее спину.

– И есть чего.

Ухмылка стала пугающей.

– Ты не уйдешь отсюда, Мария. Я ждал тебя. Десять лет. – Он вытянул костлявую руку и указал на погреб. – Здесь. Выходил раз в несколько месяцев, потом прятался. И дождался. Теперь я тебя не упусти. Это будь увере...

Мария дернулась к рукояти, торчащей из голенища, но из темного угла вынырнула сотканная из дыма лапа, и страшная кисть перехватила женское запястье.

Мария вскрикнула. Замогильный ужас сковал все тело, и последние остатки храбрости испарились.

– Моя тень... – донесся голос Янко.

Мария взглянула на сгущавшуюся темноту, которая быстро приняла вид безликого человека, казалось, сотканного из мрака, ненависти и цепенящего ужаса. Ноги Марии подломились, она упала на колени, а окрепшая рука тени сильнее сжала ее запястье.

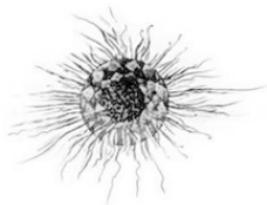
Янко воздел грязные ладони:

– Возьми ее.

Тень надвинулась на Марию, женщина слепо забилась и закричала, пытаясь вырваться, но бесполезно. Цепкие руки мрака оторвали ее тело от земли и подняли в воздух. Пламя свечи на окне дернулось и погасло. Дверь со скрипом распахнулась.

– В лес! – приказал Янко.

И тень повиновалась.

Глава 2

Об Йонве и той, что зовется «Л»

Ветер носился над пустырем. Сдувал пыль со ступеней сторожевой башни, переносил на изъеденные временем зубцы. Трепал волосы Тео, но тот, не отрываясь, все смотрел на пять букв, начертанных Кобзарем на земле:

– ВОЙНА.

– Чего-о? – протянула Шныряла.

– Вы не ошиблись, – грустно ответил Кобзарь. – Йонва –

он и есть Война. Или, как его звали по-латински, Bellum!

– Стоп, Беллум?

Санда ахнула и прикрыла рот ладонью.

– Беллумгард!

– Именно. – Кобзарь кивнул. – Беллумгард – башня в Черном Замке Смерти, замке, где хранятся самые страшные предметы из ее коллекции и, безусловно, именно там место для одного из главных чудовищ мира – для Войны. Беллумгард – «Башня Войны»! Там и находится трон Йонвы...

Змеевик взгляделся в Кобзаря.

– Он не взял нас с собой, когда мы оказались в Беллумгарде. Значит, железный венец...

– На самом деле его собственный. Йонва сам его выковал – этот артефакт может скрыть его от глаз Смерти, где бы он ни находился.

Санда нервно заломила руки:

– Помните, эти барельефы... На стенах и потолке... Люди с копьями в груди... Кричащие... Со страшными лицами... И эти рыцари...

– Да-да-да, – нетерпеливо заговорил Кобзарь, – Беллумгард – твердыня Йонвы! Вы, наверное, видели барельефы его прошлых «побед». Кто бы ни сражался по ту или эту сторону – победители не люди, а война. Даже выигрывая, люди несут потери, лишь война получает выигрыши – убитых. И, знаете, большего победителя мир не знал...

Макабр – партия, в которой бросают не кости, а людские

сердца. И следующий ход за Йонвой.

– Знаете что, – подала голос Шныряла. – Меня ничего не удивляет. Смерть нас обманула? Ну, будто в первый раз! Путеводитель оказался предателем? Разве я не говорила, что вы ведете себя как толпа баранов, еще и друга остав...

Шныряла метнула взгляд в сторону Тео и осеклась.

– ...не хотели слушать меня, и все тут! Я же чуяла подставу! И заметьте – я одна не поклялась своим истинным именем ради этого Йонвы, чтоб у него zenки повылазили! А вы так сразу – ой, спаситель наш, Путеводителюшка, конечно-конечно, сейчас поклянемся!

Шныряла сплюнула:

– Меня удивляет одно: почему вы такие идиоты? Будто не Йонва слепой, а вы!

Кобзарь воздел палец к небу:

– Ну, не забывайте, что у Йонвы с собой был артефакт лжи...

– Четки, что ль?

– Именно – хрустальные четки, которые искажают любое сказанное слово или взгляд! Таким образом Йонва усиливает свой природный дар – лгать...

– Отличный дар! А не могла природа выдать ему какой-нибудь другой? Ушами шевелить, например?

Ветер усилился – летящие над землей порывы трепали молодую траву, раздували полы кожухов, рвали волосы, – и оттого стало неуютно и тревожно. Ошарашенный новостью,

Теодор поднял беспомощный взгляд на Китилу – над крышами еще взлетали струйки фейерверков, рассыпая искры, но уже таяли; город погружался в ночь. Игроки зароптали и зашумели.

Кобзарь покачал головой.

– Так я и думал, – пробормотал он.

Шныряла размахивала руками и вопила «идиоты», Змеевик неопределенно мычал, Радугу пытался что-то втолковать Санде, но та недовольно отступила от альбиноса. Кобзарь свистнул, и с подножия холма поднялся малюсенький вихрь, Глашатай сунул руку в воронку, вытянул большой сияющий громкоговоритель и приложил его ко рту:

– ТИ-И-ИХО!

Эхо отлетело от каменных стен и жутко исказилось – звук голоса Глашатая, казалось, достиг самых небес. Фейерверки вдруг погасли, игроки Макабра умолкли. Кобзарь опустил рупор:

– Я прошу вас, не ссорьтесь! Неужели вы не видите? – Он был в отчаянии. – Ну, хоть ты, Тео!

Теодор поглядел на лица игроков, перекошенные от гнева, и понял.

– Они под действием Йонвы?

– Ну хоть один очнулся! Так, послушайте теперь меня. Вы все! Хоть с ваших глаз спала обманная пелена, вы все равно ссоритесь – видимо, Йонва копнул так глубоко, что затронул самое дурное в каждом... Но вы должны вспомнить: вы дру-

зья. Думаете, друзья не совершают ошибок? Не ругаются? Чушь! Правда в том, что друзья придут на помощь, когда все остальные – с кем ты даже не ссорился – отвернутся.

Вилочка, хрустальный глаз и пружинка истерично позвякивали на груди Глашатая.

– Макабр – больше, чем просто игра. Макабр – это война. Предсказано, что именно война во время великой кометы, – Кобзарь указал на хвостатую звезду, сияющую над руинами, – станет для людей последней.

– О чем вы? – сощурилась Шныряла.

Кобзарь сжал пуговицу-сердечко под ключицей и нервно зашагал по площадке:

– Понимаете... Йонва... Он не просто хочет позабавиться... Он – ненависть... Гнев... Ярость... Единственное, чего он жаждет – уничтожить всех людей до последнего!

– Э-э... зачем? – хмыкнула Шныряла. – Шило в одном месте не дает покоя?

Кобзарь покачал головой:

– «Война видит все, но она слепа» – так говорят в Полуночи. Йонва видит столько человеческих пороков, что обезумел и не в силах расслышать за криками гнева тихий голос любви. Он не человек. Беллум возник в тот миг, когда возникли люди – это существо породили они. Война будет существовать до тех пор, пока на земле остается хоть один человек. Ему тысячи и тысячи лет – ведь кровавый след битв тянется сквозь всю историю человечества, и все это время Йон-

ва мечтает лишь об одном: заставить людей перебить друг друга и исчезнуть самому.

– Как так?!

– Когда на земле не останется людей, не останется войн, и Беллум исчезнет. Вся его жизнь – это заточение в Ноктумгарде и попытки вырваться на свободу. Не лучшая судьба, верно? Йонва хочет прекратить свои мучения.

– Ты гляди, какой страдалец! – фыркнула Шныряла. – Ну и пусть мучится. Мне какое дело?

– Вам не повезло стать игроками Макабра. Вы – те, кто его выпустил.

– Ну, выпустили и выпустили! И чего теперь?!

– По высшему закону выпустить Йонву в людской мир может лишь человек. Как и вернуть обратно.

– Вы на что это намекаете?

Шныряла хищно надвинулась на Глашатая, и тот отшагнул, отстраняя девушку рупором:

– Говорят, больше всего шансов вернуть Йонву в тюрьму у того, кто его выпустил... А эти люди – вы. Игроки Макабра!

– Вернуть? Йонву? – Шныряла развернулась к спутникам. – Не, ну вы это слышали?

Она заорала так, что во все стороны полетела слюна:

– Слушай сюда, розовенький ты наш! Да я уже десять раз пожалела, что встряла в этот ваш Макабр! «Сыграй со Смертью», – говорили они. «Получишь приз!» – говорили они. А тут тебе и волчица огненная, и мерзопакостные тени, и кар-

лики-людоеды... С меня довольно этой свистопляски! Я нашла то, что мне нужно, и точка. А вы если хотите плясать под эти макабровские дудки – то валяйте. Ищите-свищите своего Йонву, хоть возвращайте его, хоть рожу чистите, хоть целуйтесь с ним – мне плевать! Я иду домой!

Шныряла забросила концы платка через плечо и потопа-ла мимо игроков к спуску с холма. Кобзарь, скривив губы, глядел ей в спину и качал головой. Он сжал пальцы на переносице и резко выдохнул. Затем схватил рупор и проорал вслед:

– ЙОНВА ЗАХОЧЕТ ВАС УБИТЬ!

Шныряла остановилась.

– Он прекрасно знает о Великом Законе! Знает, что его главная угроза – вы. Развязывая войну, Йонва постарается в первую очередь уничтожить именно вас, чтобы вы не смогли вернуть его обратно!

– Нет, ну это никогда не кончится! – круто развернувшись, прорычала Шныряла.

Кобзарь обвел взглядом Тео, Санду, Змеевика и Раду – последний сторонился, по-прежнему не зная, куда себя деть, – игроки даже не глядели на предателя. Глашатай Смерти тяжело вздохнул:

– Простите...

Кобзарь снял с головы шляпу, и его волосы затрепетали разноцветными волнами на ветру.

– Вы победили в Макабре, с достоинством выдержали ис-

пытания моей Госпожи, даже отыскивали выигрыши – пусть и с помощью врага, Войны, – но отыскиали, с чем я вас поздравляю. Это огромная удача! Теперь вы свободны! Но я хочу предостеречь: пока не нашелся храбрец, который обуздает это чудовище, вы – первые кандидаты на то, чтобы отправить Йонву обратно в тюрьму, – в опасности. Он попытается добраться до вас. Не сам – Йонва хоть и могущественное существо, но не может воевать с вами лично. По высшему закону Йонва не может и пальцем тронуть тех, кто его спас. Даже если вы будете стоять в шаге от него, Йонва вам ничего не сделает. Но Война будет использовать силу убеждения, лжи, гнева, чтобы дотянуться до вас чужими руками – и...

Кобзарь крутанул шляпу, и она сделала гигантский оборот, рассыпав сноп искр и «дзиньков». Музыкант поднял зелено-голубые глаза:

– Если вы разделитесь, он найдет вас поодиночке, чтобы... – Кобзарь вновь сделал жест «пуф». – Держитесь вместе! И лучше всего помогите людям победить его.

– Воевать? – спросил Змеевик.

– Воевать.

– Но...

Кобзарь перевел взгляд на Санду: бледная девушка нервно кусала губу.

– Ох, да, моя девочка... Я понимаю, что вы хотите спросить: неужто я советую вам, представительнице прекрасной половины человечества, воевать? Беззащитной, нежной, сла-

бой девушке? Ожидаете услышать «конечно нет»? Вы ошиблись, ибо я говорю «да»!

Санда испуганно поглядела на Вика и Теодора, ища у них поддержку, но Кобзарь поспешил объяснить:

– Я не прошу вас брать в руки оружие. Но, дорогая, я действительно прошу вас воевать. Пули и мечи – пустяк. Величайшая битва происходит не на поле боя, а в сердце.

Кобзарь коснулся левой стороны груди и нервно улыбнулся, вспомнив, что у него самого-то сердца и нет. Музыкант перекинул со спины сверток с кобзой, отбросил ткань и коснулся струн. Кобза отозвалась глухим ударом сердца, а затем полилась мелодия. Долгая, тоскливая и тревожная. Предчувствие перемен. Предчувствие войны.

Зачарованные игроки слушали песнь Кобзаря – и звезды словно заблистали лучезарней, а сердца наполнились давним тихим светом – тем, что горит ярче, лишь когда тьма сгущается над головой. Они обратились взглядами к городу – по темным холмам разбросала свои огоньки Китила, и каждый огонек значил, что возле него греются чьи-то руки, а может, и душа. От взгляда на беззащитные огоньки сердца сжались от тревоги: на миг почудилось, будто над землей пронеслась черная тень – быть может, лишь облако, но может, и предзнаменование войны...

Когда мелодия угасла, игроки какое-то время оставались погруженными в себя.

Тео припомнился Йонва, склоняющий к нему в лодке

холодное, белое лицо. На щеках ни кровинки. Пустые глаза. Затравленное, но горделивое выражение. Сжатые губы. Шрамы разверзаются, из багровых ран выглядывают глаза... Тео вздрогнул. Неужели этот беловолосый хрупкий человек на самом деле не человек, а самое страшное существо на свете – ну, разве что после самой Смерти?

– Война...

Музыкант оторвался от кобзы.

– Да, Тео?

– Но как... Как люди возвращали Путе... Йонву в тюрьму?

Тео бросил взгляд на руины, словно ожидая, что сейчас из-за стены выскочит Йонва с белым флагом.

Кобзарь пробормотал что-то про молчание, но потом все-таки решился:

– Я думаю, он уже далеко. Йонва сейчас беззащитен и не стремится сразиться с вами пятью сразу. К тому же он лишился своего артефакта лжи. Но, боюсь, скоро он отыщет новый... Четки Йонвы... – Кобзарь взглянул на Змеевика. – Ох! Йонве нужен особый горный хрусталь, чтобы сделать из него четки. Он не добудет его у людей, только у того, кто владеет волшебством земных недр.

Змеевик медленно повернулся к Карпатам – далеко под лунным светом сияли горные пики. Где-то там под горой его ждал отец – Господарь Горы.

– Боюсь, скоро Йонва получит новые четки, станет силь-

нее и сможет разрабатывать план войны!

Змеевик сдвинул брови, а Кобзарь вдруг выхватил из-под куртки будильник и ахнул:

– Я слишком долго с вами разговариваю!

Он воровато огляделся, словно теперь уже сама Смерть могла выглянуть из-за поворота и помахать перед болтливым Глашатаем щипцами.

– Госпожа попросила проследить за вами, но я задержался. Мне нужно лететь! Срочно! Простите!

Все возмущенно зароптали, но Кобзарь уже вызвал вихрь. Смерч, плавно изгибаясь, выплыл на вершину холма и зашвистел между вековыми стенами. В сгущающейся тьме возникли тени, в руках которых горели призрачные свечи, и окружили площадку. Стражи войны.

«Вот что они сторожили! Вот чего ждали! – внезапно понял Теодор. – Войну не живых людей, а... мертвых?»

Смерч подплыл к игрокам и, остановленный ладонью Кобзаря, застыл на расстоянии. Он бешено крутился и свистел, и, когда свист заглушил все звуки ночи, Кобзарь вдруг подскочил к игрокам, поманил их пальцем и заговорил:

– А теперь слушайте внимательно, что я скажу... – Перепуганный и бледный Глашатай Смерти воровато оглянулся. – Если война будет проиграна, Йонва вернется в тюрьму! Но он очень, очень силен! Есть еще одно средство вернуть его в Полночь! Без сражений, без смертей!

Кобзарь метнул взгляд на смерч – тот продолжал свистеть

– и вновь горячо зашептал:

– Высший закон гласит: когда в мире людей появляется великое зло, оно вызывает ответную реакцию – не менее великое добро. Ведь миром правит Равновесие! Именно в то время, когда Йонва в мире людей, можно освободить... ее.

Игроки вопросительно подняли брови, но Кобзарь лишь подавал им непонятные знаки и то и дело оглядывался. Вдруг между плечами Тео и Вика высунулось ехидное личико Шнырялы.

– Ее?

– Ее!

– Бабку-ежку?

Кобзарь попытался разлепить губы, но будто невидимая рука сжимала ему рот, и он мог лишь мычать. Кобзарь прижал кулаки к вискам, поднатужился и, придвинув лицо так близко, что чуть не столкнулся лбами со Шнырялой, выдавил:

– Л...

Где-то бабахнуло. Кобзарь, выпучив глаза, натянул на уши поля шляпы. Все оглянулись: над городом таял огромный красный цветок – последний из фейерверков. На лице Кобзаря отразилось облегчение, он попятился к смерчу и через десяток шагов оказался в объятиях ревающего ветра. Глашатай помахал платочком на прощание, и спустя пару мгновений его пестрая фигурка растаяла в воздушных потоках.

Шныряла сплонула на место, где только что стоял Коб-

заль.

– Это уже ни в какие ворота! – завывала она. – Поди туда, не знаю куда, принести то, не знаю что! Рискуй своей задницей сотню раз! Суй нос в логово жутких тварей! Ах, объяснить? Да зачем, так неинтересно! Добро пожаловать на Макабр, дамы и господа... Тьфу, как же он меня достал, этот розовый... пернатый... рюшчатый...

В горле Шнырялы заклокотали десятки ругательств. Змевик, прищурившись, смотрел вслед уплывающему вихрю. Тео нахмурился.

– Что он хотел сказать?

– Если то, что сказал Волшебный Кобзарь, верно – нам действительно стоит остерегаться. Дика...

Шныряла продолжала изрыгать ругательства.

– Дика, послушай! И вы, Санда, Тео... – Взгляд Вика скользнул в сторону Раду, но он смолчал. – Сейчас, как никогда, нельзя расставаться. Слышите?

– И что предлагаешь? – фыркнула Шныряла. – Поселиться вчетвером и забаррикадировать дверь от Йонвы? Да пусть лезет, я этому бледнолицему зенки-то...

Шныряла сделала жест, будто раздирает кого-то в клочки.

– Нет.

– Неужто?

– Не вчетвером, а втроем.

– То есть?

– Думаю, я с некоторых пор перестану представлять опас-

ность для Йонвы.

Змеевик умолк. Шныряла прожигала в нем дыру глазами, но он перевел взгляд на Тео:

– Не спускай с них глаз, Тео, – указал Вик на Дику и Санду. – Теперь ты старший. Мне жаль, что так получилось с твоим выигрышем... Я хочу, чтобы ты знал: наши жизни оплачены тобой, и все мы, – он глянул на Раду, – твои должники. Если когда-нибудь тебе понадобится моя помощь... Или даже жизнь...

Вик засунул руку под рубашку, снял с шеи черный шнурок и протянул Тео. На веревке закачалась змейка из зеленого змеевика – точь-в-точь Вик, каким предстал им впервые статуей в сокровищнице Господаря Горы.

– Если я понадобится тебе, найди любую змею, покажи ей этот кулон и попроси передать мне просьбу, тогда я приду к тебе, где бы ни был. Даже если... ты меня не узнаешь.

Вик глубоко вздохнул, сжал походную сумку. Он собирался оставить их – но почему-то не мог сделать и шагу, переминаясь с ноги на ногу, точно ребенок. Он разглядывал спутников так пристально, будто пытался запомнить каждую черточку их лиц, унести с собой в памяти туда, где вековый мрак.

Тео вдруг понял, что ему понятны чувства Змеевика. Прежде он не ощущал эту связь с людьми, а теперь стало ясно: Змеевик не хотел с ними расставаться! Сердце Тео сжалось оттого, что на этом самом месте два месяца назад они

встретились – игроки Макабра, – поначалу чужие, а затем отправились вместе в Полночь, пережили там столько всего, что теперь и расставаться-то трудно...

Да, они ошиблись. И Теодор тоже. Всех одурманил Йонва! Тео пытался убедить себя, что они сами его бросили, но сварливый голос звучал тише, а потом и вовсе смолк, словно обессилел. Радость прошлого вернулась. Он родился заново, и теперь рядышком с одиноким и одичалым Теодором воскрес другой – Тео-ребенок, верящий в лучшее.

– Спасибо, Тео, – выдавил Змеевик. – Ты настоящий друг.

Вик смотрел ему в глаза, и Тео понимал это. Чувствовал взгляды тех, кто стоит рядом, и понимал: он – их друг.

Друг!

Змеевик протянул ладонь – немного смущаясь, – и они пожали друг другу руки. Пальцы Вика были холодные и твердые, точно мрамор. Вик пожал руку Санде и чуть улыбнулся ей, а когда повернулся к Шныряле, та обмерла, и все вдруг почувствовали нарастающее между ними напряжение. Воздух словно расплавился и застекленел, когда Вик взял в свои ладони руку Дики, и сжал ее так, что Тео ненароком заметил – на миг их пальцы переплелись. Это касание длилось чуть дольше, чем у остальных, и, когда Вик отпускал руку Дики, казалось, он заставляет себя оторваться от Шнырялы.

Тео мог только догадываться, что творилось в этот момент в душе Вика, – ведь ему предстояло расстаться с девушкой *навсегда!* Он невольно посмотрел на Санду и подумал, что

бы он чувствовал, если... Вдруг в поле зрения попал Ворона, и Теодор невольно отвел взгляд.

Змеевик глубоко вздохнул, закинул за плечи мешок и распрямился – бесчисленные склянки и баночки, спасавшие их в путешествии, зазвенели в сумке. Парень отвел длинную прядь и устремил на них ярко-зеленые глаза:

– Вы – единственные друзья, которые у меня были.

Затем Вик нехотя отступил и шепнул:

– Прощайте.

Тео хотел ответить, но горло сжалось, и он лишь больно сглотнул. Вскоре высокая фигура Змеевика растворилась в ночной мгле...

– Что же нам теперь делать? – спросила Санда.

Они стояли на вершине холма, в темных провалах руин еще мелькали призрачные свечи, и от этого жуткое чувство ползло мурашками по коже. Ветер летел над землей, бросая в лицо запахи свежей травы и полуночи, а они все стояли, уставившись в темноту, освещаемые лишь светом звезд, и молчали.

– Жить дальше... – выдавил Тео.

Путешествие окончено. Пора домой.

Тео чувствовал радость от того, что все страхи остались в Полуночи, но вместе с тем пустоту. «Яломица, – повторил он, – тропа в горы». Соврал ли Йонва? Действительно ли мать там – и если да, то почему? А вдруг это ловушка?

«Мама... – подумал Тео. Он вдруг впервые осознал: мама

– единственная, кто у него остался. – Что я скажу ей о папе, когда увижу? Как сообщу, что его нет?»

У него по-прежнему не было дома, он лишился отца, и единственное, что осталось, – хрупкая надежда на то, что мама отыщется...

«Нет, не все», – подумал Тео.

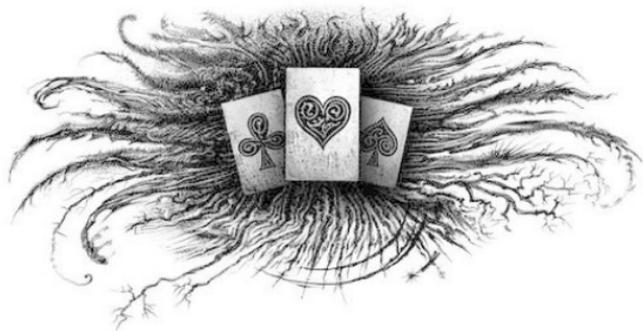
Он поглядел вслед Вику, перевел взгляд на Санду и Шнырялу – те стояли рядом, рука об руку. Тот Тео, который вошел в Полночь, и тот, который оттуда вернулся, – два разных человека.

«Вы не останетесь прежними».

Что-то изменилось. Теодор явился на Макабр одиноким, а теперь у него есть друзья, которых он никогда не имел... Он отыскал детское воспоминание о том, как смотрит в зеркало: перед глазами встал задорный мальчишка, взгляд сияет от радости и нетерпения, любопытства и жажды жить. Тео признался себе: он хочет быть таким.

Пока не знает как, но хочет.

И быть может, за все эти годы он еще не разучился быть счастливым и однажды вспомнит, каково это – радоваться только потому, что над землей взошел новый сияющий день.

Глава 3

О Мертвом Господаре

Он вошел в лес, и лес принял его точно старый друг. Прохлада дохнула в лицо, мох и трава влажно зачавкали под ногами – недавно прошел легкий дождь, какие сопровождают наступающую весну. Лес застыл в ночной тиши, и во всем чувствовалось: апрель близок. Где-то прокричали птицы, они возвращались с юга и искали свои гнезда, сидевшие на корявых ветвях точно короны. Ветви оплели небо черной

паутиной. Змеевик замер на секунду, поднял голову к зениту: тысячи холодеющих солнц смотрели на него из вечной глубины.

Он гулко сглотнул.

Нужно попрощаться с этим миром как человек. На рассвете он станет змеем и будет служить отцу до конца своих дней. Юноша медленно поднес руку к груди, вынул из-за пазухи Лучезар. Камень разгорелся ярко-зеленым осколком звезды: прекраснейший, чудный свет – и скоро он будет литься из его груди, там, где сейчас бьется сердце.

Змеевик спрятал камень обратно и зашагал быстрее.

Пальцы горели, словно он водил ладонью по пламени, все еще помня прикосновение Дики. Юноша снова замер, прикрыл глаза. Грудь тяжело поднималась и опускалась, он был не в силах сдвинуться ни на шаг и слушал, как за его спиной птицы радуются весне. Скоро каждая птаха в этом лесу сыщет себе пару. Совет гнездо, натаскает перьев, травинок. Будет петь гимн жизни и любви.

Только не он.

Когда-то Вик бегал с Дикой по городу, просиживал ночи напролет в канализационном люке, устроившись на лежанке между девочкой и ее псом, и даже не думал, что это единственные часы человеческого счастья, которые ему отмерены. Понял это Змеевик, лишь когда лишился всего, провалив испытание.

Умер.

Стал нежителем.

Из-за нее.

Узнал, что умерла она.

Из-за него.

Змеевик охватил лицо ладонями. Щеки горели. Веки бешено пульсировали под пальцами. Раздув по-змеиному ноздри, он жадно втянул воздух.

Его руки пахли ею...

Она уже вернулась домой. Змеевик представил, как Дика отводит ветви шиповника, открывает дверь своего дома. Сразу ли увидит на столе бумагу, придавленную зеленым камнем? Ее в приюте научили писать, она научила его. Он не мог сказать слова прощания – слишком тяжело, – лишь написать. Все путешествие Змеевик не позволял себе остаться с Дикой наедине. Хорошо, когда они прощались на холме, там были другие. Если бы они остались вдвоем...

Сердце радостно подскочило. Забилося, жалкое, от одной мысли *об этом*.

Змеевик не знал людской жизни, пока не увидел своими глазами на вылазке в город. Однажды он подглядел за двоими: девушка и юноша стояли на улице, держась за руки. Юноша вдруг наклонился и прижался ко рту девушки губами, а она оплела нежной рукой его шею, притянула к себе – и Вик, никогда прежде такого не видев, не мог оторвать взгляда. Сам не знал почему. Он вдруг перестал чувствовать себя змеенышем. Змеи такого не испытывают.

Он ощутил себя человеком.

И до сих пор не искоренил тягу к людям. Путешествие в Полночь не прошло бесследно: отправляясь в страну Смерти, он еще был змеем – но теперь... какой же он теперь змей? Вик смеется. Хохочет. Даже шутит. Он чувствует, чувствует! Слишком много! Он хочет того, чего хочет лишь человек.

Будто путешествие в мир Смерти подарило ему жизнь.

Вик открыл глаза.

Впереди между деревьями показалась старая сосна: ветви раскинулись в стороны, могучие корни у основания сплелись, точно гадюки во время змеиной свадьбы. Там находился лаз, и только Вик знал этот путь.

Он знал все пути, ведущие в царство Господаря Горы.

Не знал лишь пути обратно из ловушки, в которую попал.

Шаги разносились эхом под тысячелетними сводами – здесь под землей всегда холодно и темно. Так любят подданные Господаря Горы. Так любил он, пока не увидел солнечный свет. На стенах сверкают камни, кристаллы и змейки – и не понять: то ли часть барельефа, то ли живая медянка притаилась на потолке. До того как Змеевик побывал в Золотом Дворце, великолепней этих он не видал палат.

Змеевик сбежал по ступенькам, мимо его ног во тьму скользнул черный хвост – значит, о его возвращении доложат. Вик прошел через анфиладу и наконец очутился перед огромными створками из позеленевшей меди. Два стража склонили перед ним змеиные головы. Створки медленно

распахнулись, и Вик вошел в тронный зал.

По обе руки на пути к трону все кишело от сотен блестящих, извивающихся тел. Вик прошел вперед. Отовсюду устремились хищные взгляды, но Змеевик взял себя в руки.

«Я принц! – сказал он себе. – Я спустился в царство мертвых, единственный из детей отца говорил с Балауром, *ранил* Отца всех змей – я больше не последний из сыновей!»

Сердце Вика бешено колотилось о Лучезар, спрятанный на груди. Змеи шипели и сползали с колонн и стен, чтобы взглянуть на возвратившегося сына Господаря. Вик подошел к тронному месту, встал на колени перед статуей гигантского змея и склонил голову. С высоты донесся голос, древний, как шепот звезд:

– С-с-сын мой, ты вернулс-с-ся.

– Да, отец!

Вик не смел поднять глаз. Было страшнее, чем при встрече с Балауром, – мысли еще одолевали образы, что пришли в голову во время прогулки по ночному лесу. Он думал о ней. Волосы, одежда, вещи – за время путешествия все пропахло звериной шерстью. Отец это почует. А то, что Вик вернулся иным? Что больше не слышно в его голосе каменного равнодушия? Он слишком человечен!

«А если он мне откажет?» – Вик взглянул на черное кольцо и содрогнулся.

– Отец! Я прошел испытание.

Змеи и змееныши окружили Вика – он застыл посреди

шума, свиста и скользящих теней.

– Я добыл Лучезар!

– Покаж-ж-жи!

Змеевик выхватил камень и поднял над головой. Залу осветили призрачно-зеленые лучи, и свист подданных Господаря пронесся ветром. Удивлены! Поражены! Вик почувствовал себя увереннее. Он поднял глаза: отец казался довольным. Два черных глаза вспыхнули даже ярче, чем алмазы в роскошном венце, покоящемся на его длинных волосах. Он протянул руку, и Вик вложил Лучезар и перстень в мраморные пальцы отца. Господарь сжал кольцо, и камень рассыпался пылью.

– Да будет так! С-с-сын мой, я рад принять тебя как наследника моих богатств и тайн земных недр. Отныне ты...

В воздухе просвистело – но не по-змеиному. Длинное лезвие ножа скользнуло по воздуху и воткнулось в горло Господаря. Змеиный король распахнул глаза, широко открыл рот и схватил воздух, но из горла вырвался хрип. Вик застыл, змеи обмерли. Повисла гробовая тишина, и в этой тишине слышалось лишь прерывистое сипение правителя.

Он потянулся к горлу – но из раны хлынула кровь. Пролитшись на пальцы, она зашипела и зашкварчала, точно вода на сковородке. От багровых капель пошел сизый дым – и Господарь, закатив глаза, рухнул на колени.

– Отец!

Рядом с Виком возник гигантский Желтый змей – стар-

ший из сыновей Господаря. Одновременно со стороны кто-то отчаянно завизжал:

– Отвалите, гады! Ах вы, скользкие... ползучие... мерзкие...

Змеевик едва не упал, услышав этот голос. Он бросил взгляд на нож: рукоять из белой кости! Юноша развернулся. По правую сторону одна из дверей приоткрыта – та самая, ведущая на поверхность через Чертов палец. И вопили оттуда!

Никто не смел приближаться к задыхающемуся змею. Никто не знал, что предпринять, – такого в подземном мире не происходило еще никогда! Господарь взглянул на сына – Вика обдало леденящим холодом, – и его черные глаза застыли.

Господарь Горы дернулся и с последним хрипом испустил дух.

Какое-то время висела тишина.

Змеи зашипели разом. Громкий и страшный свист чуть не сбил с ног Змеевика – он прокатился по залу чудовищным ветром, всколыхнув волосы и пламя светильников. Тело Господаря Горы начало окаменевать. От кончиков пальцев окаменение расползлось выше и выше, пока наконец змеиный правитель не обратился в глыбу черного камня весь. Корона упала с головы и, звонко цокнув о каменные плиты, покати-лась по ним сияющим кольцом.

За долю секунды, в которой смешались шипение, девичий вопль и ужас, Вик понял.

Выбора не оставалось.

Юноша кинулся к венцу, протянул руку и сомкнул на нем пальцы, но тут же в корону впились зубы Желтого змея.

Они схватили венец одновременно.

Корона загудела – будто зазвенел колокол, – и этот долгий гул прокатился сквозь тело Вика, отозвался в стенах и пронесся дальше, через залы и сокровищницы, пока не ухнул в глубины земли.

– Господарь Горы мертв! – кто-то громко прошипел в толпе.

Змеевик поднялся на ноги, не выпуская венца, – ас другой стороны корону по-прежнему сжимала пасть Желтого змея, вытаращившего лютые глаза. Вик развернулся к змеиной толпе. Тысячи разноцветных колец поднимали головы, со всех сторон на Вика и его брата громко шипели. Возле двери, ведущей к Чертову пальцу, появилась девичья фигурка – и сердце Вика полоснуло болью. Змеи оплели Дику с головы до ног и вытолкнули в зал. Стражи угрожающе распахнули пасти у горла девушки.

– Стойте! – приказал Змеевик.

Змеи застыли, но девушку не отпустили.

Подполз дряхлый полоз – его зубы давно вывалились, но ему, древнейшему и мудрейшему, приносил еду молодняк. Полоз прошипел:

– Нес-с-слыханное дело... Нес-с-слыханное...

– Что гласит закон? Что глас-с-с-сит закон?

– Закон глас-с-сит, – полоз прищурился, – что кос-с-снущийся первым венца Господаря – буде тот мертв, – и с-с-станет новым Господарем!

– Двое! Двое! – зашипели змеи.

Змеевик почувствовал их ненависть и зависть – на его месте хотел оказаться каждый из этих тысяч! Ведь прежде никто и предположить не мог, что Господарь Горы, проживший вечность под Горами, может умереть.

Как обычный человек.

Пот струился по лицу Вика, его колени дрожали, но он нашел силы стоять перед советом змей, который решал его судьбу.

Его и Дики.

Если они выскажутся не в его пользу, в тот же миг стражи вонзят зубы в ее горло, и тогда... «Дика!» – мысленно вскрикнул Змеевик. Их взгляды столкнулись: голубые глаза блеснули, точно осколки льда. Так же режут, колют, причиняют ему боль.

«Дика... Милая... Что же ты наделала?»

Змеевик понял: вот зачем она пошла в оружейную палату! Чтобы найти оружие против Господаря Горы. Но ведь нож ее собственный! Что за оружие она тогда отыскала?

Змеевик нахмурился и тут же ахнул от понимания: он сам боялся одного – яда своего отца, который, в отличие от других змей, мог его убить. А его отец боялся... Вик вспомнил, как выплеснувшаяся из раны кровь зашипела, испуская дым.

«Яд! Нож был обмазан ядом. Кажется, я знаю чьим».

Если он боялся своего отца, то Господарь Горы тоже...
боялся своего отца!

«Балаур!»

Шипение взорвалось громогласным эхом:

– Битва! Битва! Битва!

Змеи сползлись плотным кольцом, и Вик судорожно сжал одеревеневшие пальцы на короне, боясь ее отпустить.

– Битва! Битва! Битва!

Полоз поднял подслеповатую голову:

– Мы порешили-с... Двоим Государям не бывать – с-стало быть, выход – это битва. Один из вас-с-с станет Государем – тот, кто ос-с-станется жив!

Желтый змей подтянул тело, сворачиваясь в мощные толстые кольца, и грозно взглянул на своего брата Змеевика. «Люди назвали бы это братоубийством, – подумал вскользь Вик. – Но это змеиный закон». Он знал, что иного выхода не будет. Один из них останется. Другого ждет смерть. Таков закон природы. Без жалости и милосердия. И коли приходилось решать спор – то проигравшего не оставалось, лишь мертвец.

Их окружили змеи. Вик положил корону на каменные плиты. Отошел. Его брат отполз дальше. Юноша оглянулся на Дику – сердце гулко и дробно стучало, и вдоль позвоночника струился холод. Змеевик бросил на пол заплечный мешок, смахнул с лица косицы. Рука нащупала ножны, сжала

холодную рукоять – и Змеевик выхватил сияющий клинок.

Змеи зашипели.

– С-с-сражайся как з-з-змей! – свистела толпа. – З-з-змей!

Но Вик ослушался. Вдруг он перестал быть испуганным юнцом; древний боевой дух воспрял в его крови, и Змеевик, получивший благословение в схватке с Балауром, стал теперь воином.

Янтарные чешуйки на теле брата отблескивали глянцем в мерцании светильников. Желтый змей – старший из его братьев. Самый сильный, рослый и длинный из всей сотни сыновей, рожденных от союза Господаря Горы и людских женщин, – и прежде Вик никогда бы не помыслил поднять на него руку. Но теперь все изменилось. Из последнего ребенка Государя Змеевик стал ровень с первыми и теперь будет биться за право стать новым правителем.

«Дика! – подумал Вик. – Если я проиграю...»

– Раз-с, два-с, три-с!

Громадный змей развернул огромные кольца и бросился в атаку. Зубастая пасть распахнулась, и юноша едва успел отскочить и занести длинный меч – но змей, оказавшийся проворней тяжелого клинка, ускользнул за спину. Мелькнула желтая молния – хвост прорезал мрак и ударил Вика в грудь. Удар вышиб воздух из легких, и Вик полетел на пол.

Юноша грохнулся на лопатки, а хвост взметнулся над ним колонной и тут же обрушился, чтобы раздавить ужасающим весом. Вик собрал все мужество, сжал пальцами рукоять и

со всего маху резанул клинком. Воздух свистнул, – лезвие мелькнуло серебром и полоснуло летящий хвост. В лицо Вика брызнул багровый фонтан.

Сзади яростно зашипело. Змеи вокруг сплелись плотнее, свистели, шипели и раскачивались, высовывая раздвоенные языки. Вик с трудом перевернулся и встал на колено. Вовремя. Желтый змей подтянул к себе окровавленный хвост, распахнул пасть и, обнажив острые клыки, напал вновь.

Кровь Змеевика вскипела. Посреди его лба полыхнуло, будто кто ткнул горячей головней – словно глаз, нарисованный Йонвой, а затем стертый, вновь пробудился. Юноша вскочил на ноги, обуреваемый жадой сражения, и бросился навстречу брату.

Меч сверкал и со свистом обрушивался на противника, Желтый змей изгибал блестящее тело, норовя сбить Вика раненым хвостом, шипел и хрипел, а Вик, сцепив зубы, раздавал удары. Вдруг змей извернулся и вонзил клыки ему в руку – и Вик вскрикнул от боли, но не растерялся: голова брата оказалась совсем рядом, и Змеевик, воспользовавшись этим, разрубил могучую шею пополам. Из обрубка вырвался фонтан крови и окатил лицо юноши, а гигантская голова подлетела в воздух, прокрутилась несколько раз, упала на пол и в полной тишине откатилась в сторону.

Вик тяжело опустил меч, отбросил с глаз окровавленные косицы и утер лицо подолом рубашки. Сердце бешено колотилось, боль обжигала лоб и левую руку, а тело звенело как

металл.

Он победил.

Убил брата.

И стал первым из змей.

Змеевик почти не слышал, как засвистели и зашипели змеи, сползаясь со всех сторон – уловил лишь вопль Дики: «Вик!» Вдруг змеи расступились, и к нему подполз бронзовый полоз, неся в зубах сияющий венец.

– Преклони колени-с!

Вик послушался и склонил голову. Тяжелый венец, украшенный самоцветами и смарагдами, едва коснувшись головы Вика, вновь загудел; гул пронесся сквозь тело и через палаты – но не такой, как прежде, а серебряный, звонкий и юный.

Вик поднял лицо. Дряхлый полоз, сощурившись, оглядел нового короля и вдруг на всю залу воскликнул:

– Да здравс-с-твует Мертвый Господарь!

Шипение тысяч змей слилось в единый долгий шум, и Змеевик почти оглох. Он не испытывал радости, до сих пор не понял даже, что стал верховным змеем, что теперь великолепный дворец и многочисленные слуги – его. Что Вик отныне и до конца времен – правитель Горы.

Любой из миллионов змей, окруживших его, потерял бы сознание от счастья и гордости.

В голове же Вика билась одна мысль: «Дика будет жить».

Несколько могучих змеев подхватили юношу, подняли в воздух над ликующей толпой и отнесли к тронному месту.

Там еще темнело окаменевшее тело его отца.

– Мертвый Гос-с-сподарь, Мертвый Гос-с-сподарь, – шипели змеи.

Змеевика поставили на ноги. Прежде здесь стоял его отец, теперь с пьедестала взглянул он сам.

Вик выпрямил спину. Мышцы отяжелели, налитые силой. Раненая рука, все еще сжимающая рукоять, теперь не дрожала – душу юноши наполняла радость от невероятной победы. Вик поднял голову, увенчанную великолепной короной, и воздел руку. Когда он повел ладонью справа налево перед толпой, ползучие твари упали перед ним ниц.

Он больше не Виктор. Не Змеевик. Отныне и до конца времен его истинное имя – Мертвый Господарь. Теперь он – Хранитель сердца Карпат.

Вдруг Вик заметил, что над кишачей массой возвышается одна голова. Синий змей, чье тело украшали лучезарные сапфиры, второй по старшинству после Желтого, высоко держал голову и смотрел на нового короля с вызовом. Змеевик указал на него, но тот не склонился. Гады подле него зашипели и засипели, а Синий змей четко проговорил:

– Я не поклонюсь Господарю, который человек.

Движение в живой массе замерло. Весь мир, казалось, стих – и в этом молчании послышался долгий нарастающий ропот, словно из-за гор шла и наливалась электричеством гроза. Сначала загудели дальние ряды, затем ближе и ближе, и Синий змей повторил громче и уверенней:

– Я НЕ ПОКЛОНЮСЬ ГОСПОДАРЮ, КОТОРЫЙ ЧЕЛОВЕК!

Ропот волной захлестнул зал, и толпа взорвалась криками: «Он прав!», «Ты – человек!», «Мы подчинимся лишь змею!», «Ты не наш король!». Нахлынувшая было радость покинула Змеевика. Парень бросил взгляд на Дику – бледная девушка по-прежнему стояла у стены, обвитая стражниками. Взгляд ее голубых глаз заставил Вика очнуться и собрать все мужество. «Я должен. Ради нее». Скрепя сердце Змеевик повысил голос:

– Я добыл Лучезар. Сразился с Балауром Великим и получил благословение на царство. Я первый коснулся Господарева венца. Я победил Желтого змея! – Он вскинул окровавленные руки. – Я убил своего родного брата, следуя вашему – нашему! – закону змей! Я – ваш Господарь! Подчинитесь!

Змеи зароптали, зашипели, со страхом отползая от Вика, – и он чувствовал, что его окропленное кровавой росой лицо внушает им ужас, но по-прежнему в толпе витало сомнение. Синий змей подобрался ближе, извиваясь гибким блестящим телом, – твари так и расплзались у него с пути. Змей поглядел на девушку, затем на Вика – и Вик испугался той непокорной злобной искры, что вспыхнула в ярко-синих глазах.

– Ты отправилс-ся в царство С-с-смерти, чтобы добыть Лучезар и с его помощью отринуть человеческую кровь и стать змеем. Но ты так и не использовал камень... Я не на-

зову тебя с-с-своим Господарем, покуда ты не обратишьс-с-ся до конца!

Вик сухо сглотнул. Глаза змей нацелились со всех сторон, и сердце колотилось до боли. Больно, слишком больно. Если он использует Лучезар, больше никогда не станет человеком. Никогда не будет с ней. Балаур же проклял его: и если Змеевик использует камень, он вечно будет страдать оттого, что в своей жалкой и краткой человеческой жизни так и не испытал любви.

«Что мне делать?»

Еще недавно безысходность сменилась ликованием, а вот теперь нахлынуло отчаяние. Он в ловушке!

– С-с-совет, с-с-совет, – зашипели змеи.

Старейшины королевства окружили Вика и свистели, шипели и клекотали, с жаром обсуждая, следует принять им Господаря-человека или послушать слова его противника. Наконец совет расступился и к Вику подполз бронзовый полз:

– Не гневайс-ся, Мертвый Господарь. Мы согласны принять тебя и будем верны вашему Змеиному Величеству до тех пор, пока Луна не взойдет на западе, однако сделаем это лишь, если ты отринеш-ш-шь человеческий лик и примешь змеев – навсегда! Иначе власть перейдет к тому, кто победит тебя в с-с-смертном бою. А выступать против тебя будут вс-с-се твои братья: победив одного, ты будешь сражаться с другим – и так, покуда не одолеешь всю с-с-сотню – или кто-

то из них не одолеет тебя! Даем срок в одну луну – по окончании этого срока ты должен явиться к нам змеем!

Змеи зашипели и заерзали, но Вик сдвинул брови и кивнул.

– Да будет так!

«Ты должен платить за то, что коснулся венца. За то, что спас ее от гибели. И ты заплатишь эту цену, – сказал себе Вик, – но не сейчас».

Змеевик сжал в руке Лучезар. Этот месяц он – Мертвый Господарь. Пока еще. Сразиться с сотней братьев? Он не выстоит! Останется лишь принять их условие. «У тебя останется еще месяц, чтобы прожить его как человек».

Весь этот месяц ему придется держать змей в узде, чтобы они слушались его – совсем юного, – Господаря, да еще и человека. Змеи не какие-нибудь котята. Вдруг кто-то из них задумает отомстить Дике, как сделал его отец? Нет! Он станет Господарем навсегда, чтобы уберечь ее от мести...

Осталась лишь одна задача. И если они сейчас не повинуются... «Они будут слушать меня. Я – их Господарь!» – сказал себе Вик. Допусти он сейчас малейшую ошибку, все это несметное полчище растерзает и его, и ее... Змеи подчиняются лишь сильнейшему. Ему нужно задушить в себе чувства. Чувства – это слабость.

Змеевик знал, что сейчас испытывает последнее терпение своих подданных, но не мог поступить иначе. Именно для этого он и стал правителем смертельно опасного народа, что-

бы сказать:

– Отпустите девушку!

Стражники заколебались. Новый Господарь отпускает убийцу своего отца? Возмутительно! Змеи ожидали, что человека ожидает долгая и мучительная казнь, как только окончится выбор нового Господаря, – а тут такое! Глаза Синего змея вспыхнули вновь. Змеевик видел недовольство толпы, но поднял руку и заставил всех замолкнуть:

– Отпустите!

И, взглянув на его окровавленное лицо, змеи повиновались.

Какое-то время Дика стояла не шелохнувшись. Смотрела на него, Вика. Парень смог лишь кивнуть, надеясь, что она прочтет в его глазах: «Беги!» Девушка скользнула взглядом по его рукам, с которых все еще капала кровь, вздрогнула и метнулась к щели в дверях.

«Только не оборачивайся, – взмолился про себя Вик. – Беги, милая, беги так быстро, как только сможешь, – и не оборачивайся на меня».

И только когда девушка выскочила в дверь, он сделал то, что должен был выполнить победитель смертельной схватки. Вик отстегнул от пояса меч, один из слуг сразу подхватил драгоценный клинок. Снял с себя сапоги, расстегнул рубаху и наконец разделся донага.

Змеевик спустился с возвышения к лобному месту, где собирался совет. Здесь в полу было вытесано углубление в

форме прямоугольника. Юноша приложил ладонь к выпуклому камню у подножия трона. Пол прямоугольника начал опускаться.

В этот бассейн когда-то окунался его отец. Теперь очередь Вика.

– Великая земля,

Я – твой сын,

Ты – мать моя.

Из щелей в камнях забились ключи, и бассейн наполнился водой. От фонтанов поднимался пар, из самых глубин земли вырывалась горячая вода. Змеи приволокли тело мертвого Желтого змея, бросили в купальню, и вода окрасилась в красный цвет.

Вик опустил ноги в воду, чуть не вскрикнув от обжигающего кипятка, но не отступил. Вода поднялась до места, где посередине его грудной клетки белел шрам в виде креста.

– *Змею – змеево!*

То была главная клятва подгорного царства.

– Змею – змеево! – подхватила толпа слова Змеевика, и между колонн пронеслось громогласное эхо.

Вик сделал несколько шагов в кровавой воде.

– *Камню – каменное!*

Вода схлынула. Из щелей с шорохом посыпались мелкие алмазы, и бассейн наполнился сверкающей массой.

– Камню – каменное! – подхватил хор.

Вик сделал еще несколько шагов.

– А человеку...

Горло перехватило. Он понял, что не может это сказать. «Давай. Соберись! Ради нее!»

– А человеку, – прошептал Вик, – прах.

Сияющие камешки быстро втянулись, пыль схлынула в щели, каменные плиты опустели. Зал замер. «Услышит ли меня земля?» – испугался Змеевик.

Плиты вздрогнули и разошлись – из темных отверстий вырвались густые пепельные облака, и обнаженное тело юноши потонуло в серой пыли.

– А человеку – прах!

Так звучала главная присказка этого народа: «Змею – змею, камню – каменное, а человеку – прах». Дети Господаря должны были отринуть человеческую природу, чтобы взойти на престол, ибо то, что предназначено человеку – прах; лишь камень и змеиная мудрость вечны.

Небо на востоке заалело. От реки разливался перламутровый туман, и в деревьях на холме запели птицы. Наступало утро. Дика захлопнула дверь каморки на засов. Не достанут. «Гады. Твари ползучие!» Сердце колотилось, как у бешеного зайца, и девушка никак не могла отдышаться. Поднесла руки к лицу. Дрожат. Вот как. Она, Шныряла, дрожит! Небывалое дело.

Да и ночка выдалась небывалой.

Когда Вик прощался, Дика поняла, что произойдет в

царстве Господаря Горы, – времени оставалось мало. Она вспомнила, как Чертов палец перевернулся во время испытания Макабра, рванула туда – и примчалась вовремя! Вик только вошел в залу, как она появилась у двери. Девушка не стала дожидаться, пока отец прикончит парня или сделает его одним из мерзких змей. Всем сердцем Шныряла ненавидела Господаря.

«Ты у меня поплатишься за все, – скрежетала зубами девушка. – За то, что сделал меня нежительницей! За то, что чуть не убил Виктора! Старый червяк!»

Оказавшись тогда в оружейной палате, Дика взяла то, что могло убить Господаря Горы – яд Балаура! Ну, а ножи метать она всегда была горазда.

Но то, что произошло дальше...

Квадрат окошка понемногу светлел: рассвет захватывал небо. Шныряла плюхнулась на кровать и сжала руки на коленях. Нет сил ждать, думая-гадая, как же он там!

«Виктор...»

Дика подловила себя на том, что не может выкинуть его из головы. А то, как сердце колотилось при взгляде на его будто выточенное из мрамора лицо? Когда смотрела в эти глубокие зеленые глаза, обрамленные длинными ресницами...

– Дура! – упрекнула себя девушка. – Дура набитая, и башка твоя – мешок с соломой! Ты Кобзаревой брехни наслушалась?

Но Шныряла давно поняла, что так просто от этих мыслей

не избавишься.

– Идиотка, – подытожила она. – Виктор уже не тот, что прежде. Ты просила его остаться. Если бы он действительно... тебя... Если бы он дорожил тобой, – поправилась Дика, боясь сказать лишнего, – не поперся бы к отцу в его идиотское царство! А тут вернулся – и ты снова уши развесила... Тебе ли о нем мечтать? Будто в зеркало себя не видела! Друг детства? В детстве детям все одно: лишь бы играть с кем-то... он и играл с тобой... А это – другое. Думаешь, ты ему нужна такая?

Дика с досады пнула горшок, и тот откатился к куче хлама. Шныряла подскочила и зарылась в мусор: где-то там под треснутыми кувшинами поблескивал осколок зеркала.

Дика ненавидела зеркала за то, что в них можно было увидеть себя.

Она распрямилась, трясущейся рукой подняла к лицу зеркальце. Убрала непослушную прядь, заглянула в осколок. Повертелась вправо-влево.

Бледное острое личико. Подбородок торчит. Губы тонкие, а зубы – не зубы вовсе! Настоящие клыки. Нос длинный, таким только прорехи в занавесях делать. Тени под глазами. А сами глаза? Один влево смотрит, другой вправо. Красота, куда уж там! Разве что цвет интересный – льдисто-голубой... Лишь одно в ней хорошее... Шныряла стащила косынку, и на плечи хлынули золотисто-рыжие волосы. Длинные ручки заструились до пояса огненным каскадом.

Да, красивые. И все же...

Дика скривилась.

– Он зовет тебя Дакиэной, но разве ты волчица? Подзаборная шавка! – горько выплюнула она в отражение. – Шныряла, вот ты кто! Думаешь, они зря тебя так прозвали? Да погляди на свою рожу! Кому ты нужна такая – рябая, косая? Ему ли, принцу? Тьфу...

Шныряла сплюнула.

– Зря ты рисковала, спасая его от отца... Может, ему и не хотелось вовсе...

Шныряла вспомнила, как Виктор вел себя после боя с Балауром. Сердце радостно сжалось, но тут же заныло. «А может, Балаур про другую говорил! С чего ты взяла, что о тебе? Не забывай, ты – Шныряла, и всегда ею будешь! Та, кто шныряет под заборами, кого все пинают, кто никому не нужен!»

В дверь неожиданно постучали, и Шныряла напряглась. В мыслях нарисовалось змеиное полчище, притаившееся за крокусами, но девушка спохватилась: «Ага, стали бы эти ползунки стучаться». Дика схватила со стола нож, подкралась к двери и, прижавшись ухом к косяку, прохрипела:

– Кто там?

Тишина. Лишь ветер свистел на холме. Дика оглянулась на окошко: между деревьями посветлело, от травы поднимался курчавый туман. Она рванула засов, и дверь со скрипом приоткрылась. Дика высунула острое личико в щель и

обомлела.

На пороге стоял он. В новых одеждах, черных, будто полуночная мгла. По низу мрачного камзола – вышивка змей, переплетенных в танце. Руки сцеплены за спиной. Не шевелится. Смотрит. Косы закинута за плечи, лицо – осунувшееся, бледное. Лишь глаза светятся изнутри зеленым огнем.

Дика вдруг вспомнила, что оставила косынку на столе. Она швырнула на кровать осколок зеркала и вышла на порожек. В горле пересохло, да еще парень смотрел так, что ей стало не по себе. От его лица веяло опасностью и огнем. Дика мысленно дала себе пощечину. «Не смей раскисать. Ни один взгляд не превратит тебя в тарелку манной каши!»

– Что тебе, Вик?

Грудь юноши тяжело вздымалась и опускалась. Он продолжал смотреть. Шныряла скользнула взглядом по его шее – чистая. Кровь хоть отмыл, а то после того как тюкнул змея, с головы до ног был в красном.

Наконец парень разомкнул губы:

– Я больше не Вик.

Шныряла хотела пошутить, но слова застряли в горле.

– Отныне мое имя – Мертвый Господарь.

Юноша приподнял подбородок, по-прежнему не отрывая от нее глаз – и в животе Шнырялы заняло от этого взгляда. Она прокрутила в памяти сцены, которые видела в подземелье. Тот бой... И то, что Вик надел венец...

– Дика...

У Шнырялы поползли мурашки по коже от его низкого, мягкого голоса. «Дика...» – пронеслось в голове эхо, и на мгновение Шныряла растеряла всю ершистость.

– На исходе этой луны я окончательно стану Господарем. В моей груди будет биться Лучезар, который навсегда превратит меня в змея. Нет пути обратно. – Вик покачал головой. – Дика...

Шныряла переступила порог и закрыла за собой дверь. Туман выползал из-за деревьев белым и сизым кружевом, вился у ног. Под корягами еще таилась ночная тьма, и на небе по-прежнему сияли последние звезды, но утро побеждало. Воздух пах сыростью и весной. Ветер едва заметно перебирал волоски на голове Вика, и вдруг Шныряла вспомнила первую встречу с ним. Каким он был... Совсем мальчишка! Наивный Виктор смотрел огромными от удивления глазами на город. Все ему было в новинку! И он слушал ее, всезнающую подругу-бродяжку! Сейчас перед ней стоял другой человек – взрослый и холодный. Интересно, остался ли тот мальчишка внутри Мертвого Господаря?

– Прости.

– За что?

– Прости, что появился в твоей жизни в тот вечер. – Голос его был тих и неловок. – Прости, что причинил тебе столько зла. Я – причина всех твоих бед.

Змеевик поглядел на ее каморку, и Шныряле вдруг сделалось стыдно за лачугу. За кровать, сколоченную из ящичков.

За накиданное грудой тряпье и горшки, которые Вик увидел, когда она приоткрыла дверь. И особенно за то, что перед его приходом она смотрелась в зеркало.

– Если бы я только мог – ты даже не знаешь, что бы я отдал, чтобы никогда, никогда не пересекать твой путь. Быть может, прыгни ты в соседний люк... Или если бы я выбрался на другой улице... Мы бы не встретились. Сейчас ты жила бы в Китиле и была счастлива. Я все испортил, Дика. Это все из-за меня.

Шныряла хотела прикусить язык, но слова помимо воли ринулись наружу.

– Из-за тебя, Вик? Чувь! Смерть такая – бьет всех без промаху. Плевать ей, принц ты или нищенка, она подкосит всех. Отнимет все, что у тебя есть! Ты не можешь знать, как и что было бы. Вдруг я бы получила бутылкой по башке? Или свалилась с лестницы? Сдохла от голода?

Вик отшатнулся.

– У Смерти свои планы. Не вини себя, понял?!

Змеевик закрыл глаза, прижал пальцы к векам и тяжело задышал. Мотнул головой, и косицы грустно звякнули:

– Дика... Я думал... Думал...

Змеевик вдруг отнял ладони от лица, перехватил ее руку, и от этого прикосновения девушка вскрикнула. Юноша сжал ее пальцы в своих ладонях – чуть влажных и холодных, точно камень, и Шныряла обмерла.

– Дика, у меня есть только месяц, чтобы прожить его как

человек. Но послушай же меня внимательно!

Он глубоко вдохнул и разразился тирадой – столь горячей, что Шнырялу бросило в жар.

– Если бы я родился в городе и мы встретились как обычные дети, все могло быть иначе! Но, Дика! Мне плевать на это, слышишь? Плевать, что теперь я не смогу коснуться тебя, что ты никогда не станешь моей женой и что будущее у нас в прошлом. Мне плевать! Живым или нежителем – я бы все равно сказал то, что скажу. Дика, слышишь? Я счастлив как никто другой на этом свете! Потому что мне не придется дожидаться, пока луна покатится вспять, чтобы сказать... Дика, я люблю тебя!

Шныряла задержала дыхание, не веря своим ушам. Сердце неистово колотилось в ее груди, и она подумала было, что ослышалась. Это сон? Нет же! Виктор из плоти и крови, хоть и мертвец, спустя годы стоит перед ней и держит ее за руку. И это его слова. И как Вик на нее смотрит – бледный, потерявший все самообладание. Какой еще Господарь! Он сейчас точь-в-точь тот взъерошенный мальчишка, которого Шныряла встретила в прошлой жизни.

– Пусть для всех я буду Мертвым Господарем, но ты знаешь другое мое имя – и оно также будет истинно. Дика... назови его. Пожалуйста, назови меня по имени.

И Шныряла, с трудом сглатывая комок, выдавила:

– В-виктор...

– Дакиэна...

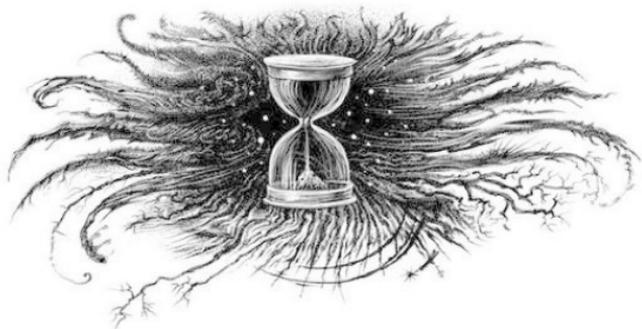
Виктор какое-то мгновение колебался, глядя на нее – и Дика даже не поняла, что он собирается сделать, – а когда поняла, уже было поздно. Он глубоко вдохнул и сделал то, чего ни один нежитель делать не мог – потому что после смерти у нежителей не было семей. Не было детей. Касаться друга друга *так* было не положено, и Вик совершил величайшую дерзость. К счастью, никто из кладбищенских их не видел, и этот миг разделили лишь тишина и рассвет.

Шныряла невольно застыла под его прикосновением, которое оказалось неожиданным, точно удар. Когда же она наконец поняла, что Виктор ее целует, Дика попыталась отстраниться, но он не дал ей это сделать, удержав ее руки в своих. Губы Виктора нежно касались губ Шнырялы, оставляя на лице запах травы и тумана. Юноша часто и тяжело дышал, его дыхание скользило по ее щеке – и от этого по коже бежали мурашки. Он прикасался губами снова и снова, одну ладонь робко положил на талию, а второй провел по волосам. Его пальцы бережно касались длинных рыжих волн, перебирали локоны, и он крепко прижимал ее к себе. Шныряла закрыла глаза.

Весь мир исчез.

Она перестала быть ощеренной дворнягой и стала девочкой – беззащитной девочкой, которую обнимал тот, о ком она грезила холодными ночами в детстве.

Только сейчас все происходило на самом деле.

Глава 4

О невидимке, стучавшем в двери

Весна приходила из года в год, тысячи лет.

И каждый раз – словно в первый и последний.

Так было и сейчас.

Тео надеялся обрести счастье в Макабре, вернуть семью, но Смерть нарушила его планы. Поиграла и бросила. Насо всем ли? Он сомневался... И все же, пусть у Теодора ничего не осталось, он был счастлив – странно-то как! – вернуть-

ся на кладбище. Словно за это время погост, бестолковые и странные нежители, чердак проклятого дома стали ему родными. Стали домом.

Прошла всего пара дней, как Тео вернулся из Полуночи – в мире Смерти он пробыл почти что месяц, здесь же прошла секунда: он вернулся в ту же ночь двадцатого марта. Санда отправилась в город, и на следующий вечер Тео пришел к ее дому, но в комнате девушки окна были темны. Санда не вернулась домой. Он искал ее, бродил по улицам и выискивал вихрастую челку среди прохожих, и всякий раз, встречая невысокую темноволосую девушку, чувствовал, как сердце в груди екает.

Санды он не нашел.

Теодор приглядывался к людям, прислушивался к разговорам в городе, ожидая уловить новости о необычных событиях, – но впустую. Мир затих. Было то затишье перед бурей?

В Трансильвании тем временем наступила весна. Горные склоны, великолепный вид на которые открывался с чердака проклятого дома, еще покрывала бурая растительность, но лес уже подернулся зеленыю. Вечером от реки поднимался белесый пар. Тео просыпался, лишь когда на востоке загорались первые звезды. Они вспыхивали из ночи в ночь, всегда. Ничто в природе не угасает. Нет в мире ни начала, ни конца – лишь непрерывный ход жизни по кругу. «Время – это плоский круг». Как и Макабр. Смерть устраивала игру

каждое столетие, чтобы выпустить Йонву... Так было всегда, сказала Горгулья, и добавила, что Смерть – самое упорное существо... Она всегда устраивает Макабр, чтобы исполнить свое желание.

Значит, вот чего она хочет!

Смерть ждет, чтобы Йонва разрушил этот чудесный мир. Чтобы эта весна стала для людей последней. Смерть хочет увидеть жестокую бойню, которая закончится гибелью человечества. Вот что ей нужно. Трупы.

У нее нет иных развлечений.

Тео вспомнил лицо, смотрящее с трона. Его собственное лицо, но даже у угрюмого Теодора не было того выражения, что имела Смерть: двойник пугал одним лишь взглядом – холодным, бесчувственным, беспощадным.

– Я отомщу. Не знаю как, но однажды мы поквитаемся! И если ты меня сейчас слышишь, – шептал Теодор, выискивая силуэты в пляске вечерних теней на опушке леса, – если ты меня слышишь, знай: я отомщу тебе!

Однажды вечером произошло забавное событие.

Теодор открыл глаза, лежа на жесткой доске под крышей чердака. Откуда-то доносилось настойчивое пиликанье. Тео зажмурился и перевернулся на другой бок. Пиликанье усилилось, стало еще надрывней.

– Да господи, кому не спится!!!

Тео потянулся, вдохнул сумеречный воздух и подошел к слуховому окошку. С ржавого гвоздя спустился жирный па-

ук и закачался перед носом.

– Привет, дружище! – буркнул Тео.

Он даже по паучкам соскучился! Тео приоткрыл дверцу и глянул вниз, на кладбище.

– Хватит пиликать так, как будто кошку мучают!

Из клумбы вылезла всклокоченная голова мороайки. Тетка Фифика, зевая во весь рот, погрозила кулаком скрипачу – тот стоял под чердаком и выводил пассажи, от которых уши сворачивались в трубочку.

– Нашел время для концертов! Спать честным людям не дает! Я тебе эту скрипку сейчас...

Подле Фифики из земли высунулась голова нежительницы Марты и захлопала сонными глазами. Чуть не столкнувшись друг с другом носами, тетушки на мгновение застыли – и вдруг, позабыв о скрипаче, кинулись друг на друга:

– Ты снова улеглась в мою могилу?! Чтоб тебя пес побрал, Марта-а-а! Иди в свою!

– Это ты в мою залезла, карга старая! А ну кыш отсюда! Иди своих червей пугать!

И тетушки, вцепившись друг другу в призрачные волосы, принялись кататься по земле.

«Да... – хмыкнул Тео, – пройдет одна ночь или тысяча, а эти соседushки все будут выяснять, кто где захоронен! Чем бы нежители ни тешились, лишь бы меня не доставали...»

Скрипач завидел Теодора и махнул рукой. «Чего ему нужно?» Теодор поправил теплый кожаный плащ и спустился

на землю. Весна вступила в права: тут и там трава налилась изумрудной сочностью, а у оградки в ветвях деревца суетливо переговаривались горлицы, облюбовав ветви для маленьких гнездышек. В небе разгорелась комета: прежде чем спуститься, Тео задержал взгляд на хвостатой звезде. Сияющая голова звезды отливала багрово-красным, точно воспаленный глаз.

Кладбищенский музыкант вновь провел смычком по рассохшейся скрипчонке, – и, рассекая ветер, над землей пронесли душераздирающие звуки.

– Сколько можно дрыхнуть! Наконец-то разбудил тебя! – накинулся старик.

– И не только меня, – хмыкнул Тео.

Из земли высунулось еще несколько голов – морои грозили скрипачу кулаками и обещали сделать из его кишок новые струны, но тот лишь отмахнулся.

– Это какое-то безобразие! – возмутился он.

– Так почему вы не прекратите эту игру?

– Да я не про скрипку! – вскинулся скрипач. – Звезда!

– Что?

– Лежу я, значит, на могиле, никого не трогаю. Смотрю в рассветное небо. Мечтаю о новой скрипке. И тут – пшш-шш! – через все небо звезда. Ну, думаю, надо загадать себе новую скрипку! Но не успел я и рта раскрыть, как эта самая звезда рухнула – куда бы вы думали, юноша? Прямо на мою могилу! Я еле успел отскочить, как этот огромный огненный

шар грохнулся о мое надгробие и – кракс! – расколол его! Святые угодники, за что мне это?! Я же просил подарить мне новую скрипку, а не угрожать старую!

Старик протянул Теодору смычок – на старом дереве темнела трещина.

– Я должен немедленно подать жалобу!

– На что?

– На звезды! Нельзя просто так падать на головы честным людям только потому, что надоело висеть на небе!

Теодор буркнул что-то невразумительное и потопал мимо. «Нашел ради чего будить!» Но едва он отошел на несколько шагов, позади послышалось суетливое пыхтенье.

– Черт возьми, ну что еще?

– Но-но-но, юноша, не сквернословьте! – нагнавший старик погрозил пальцем. – Я вспомнил, зачем пришел! Ей-богу, только эта проклятая звезда грохнулась и расколотила мою могилу, а с ней скрипку, я вдруг понял, что мне до жути хочется...

– Сыграть кому-то истерику под окнами?

– ...рассказывать сказки!

Тео уставился на скрипача.

– Сказки?

– Именно! – серьезно заявил старик. – Отныне я прекращаю занятия музыкой и буду зваться Кладбищенским Сказочником!

«Да хоть Кладбищенским Болтуном, отстань же от меня!»

– Когда я чудом выжил после падения этой звезды...

– Выжил? Но вы же и так мертвы!

– Не перебивай! Когда я спасся от этой звезды, то меня словно осенило – я должен пойти и рассказать сказку Теодору Ливиану!

– Знаете, мне не пять лет, чтобы слушать сказки... и у меня дела. Прощайте.

– О нет, юноша! Сказки – это удел взрослых! Вы обязательно должны уделить мне пять минут и послушать...

– Нет!

– Сказки – это мудрость веков! В сказках сокрыта истина! В сказках есть ключи ко всем дверям!

– Нет!

– Вы должны послушать! Погодите! Как насчет сказки о трех поросятах?

Теодор отмахнулся и зашагал прочь.

– А о злом волке? О Фэт-Фрумесе и его летающем коне? О волшебных бобах, светлячках, бедных музыкантах и их невестах-принцессах? О Ненависти? А, юноша? О Храбрости? О Совести? Ну, погодите! А о Любви-и-и?..

Тео остановился, будто влетел лбом в невидимое надгробие.

– Ага! – Старик хихикнул. – Так и знал! Все в вашем возрасте хотят знать о любви!

Тео судорожно соображал, переводя взгляд с одной могилы на другую.

«Л...»

Юноша гулко сглотнул, прищурил глаза. Над горизонтом угасал огонь заката, и теперь багровое око бросало на землю призрачно-красные лучи. Тео оглянулся.

Они еще не знают, что Йонва на свободе. Где же он? Что сейчас делает? Сначала Тео подумал, что ничего страшного не случилось: мало ли что там Кобзарь сказал... Ведь все по-прежнему. Больше не нужно искать загадки, носиться в поисках игральной кости. Все живы, счастливы.

Шныряла отмахнулась, едва Тео заикнулся о Йонве. Но Теодору что-то не давало покоя. Что Глашатай пытался подсказать на этот раз? Ведь и в Полночи он советовал... Они же пропустили все мимо ушей.

«Когда в мире людей появляется великое зло, оно вызывает ответную реакцию – не менее великое добро».

– Рассказывайте.

Старичок ехидно захихикал.

– Итак, сказка о Невидимке!

Скрипач запрыгнул на ближайшее надгробие, и тут же из могилки, поросшей крокусами, высунулась всклокоченная голова Бужора Болдуряна:

– А ну слезь! Слезь, я тебе сказал!

Музыкант отмахнулся от мороя и, подманив юношу, прокрипел:

– Значит, так, юноша... Откуда история – не помню. Другие матушка рассказывала, какие-то я слышал у костра от ча-

банов, а откуда эта – не помню, хоть убей! Однако сказка забавная, что ни говори...

– Ближе к делу можно?

– Тра-та-та, какая спешка! Ох уж эта молодежь – впрочем, оно и понятно, не зря-то вернулся ради сказки о любви, а?

Старик хмыкнул.

– На рассвете всех времен, когда небо было светлее и птицы пели громче, жили на самом краю земли люди. То были совсем иные люди, не то, что сейчас, – предки наши жили песнями, дарами лесов и солнца. Но можете себе представить, юноша, что никто из них не знал величайшего дара человечества – любви?

Да-да, все они жили-поживали без семей – каждый поодиночке, и омрачало быт лишь то, что в мире появилась Смерть – ведь теперь каждый год кто-либо умирал. Но где великое зло, юноша, всегда есть не менее великое добро.

Один златокудрый юноша отправился к реке стирать одежду и вдруг спугнул девушку, пришедшую искупаться. Он смутился и отступил за деревья, но, единожды увидев юную красавицу, не смог ее позабыть. На следующий вечер у входа в его жилище послышался стук. Юноша увидел у порога женщину: с плеч незнакомки струился белый плащ, ее лицо будто светилось, а глаза лучились неземной мудростью.

– Кто ты?

– У меня еще нет имени, – сказала незнакомка. – Но я пришла в этот мир благодаря тебе в тот самый миг, когда ты

первый почувствовал то, что никто из вашего рода прежде не испытывал.

Юноша понял, что незнакомка говорила о девушке.

– Ты – мой отец, человек! Дай мне имя!

И он дал ей имя:

– Любовь.

Юноша впустил незнакомку в дом. Женщина прошла к огню и села у пламени, лизавшего свод пещеры раздвоенным языком, протянула белые ступни к теплу – а за порогом уже сгущалась ночь и где-то за пределами поселения, на земле мертвых, пробудились первые нежити.

– Отныне я буду жить среди людей, – сказала женщина с улыбкой, – ибо я дар, который может противостоять даже Смерти.

– Чем же ты поможешь?

– Я дам людям исцеление от зла. Великое счастье. И даже подарю новую жизнь! Ты – первый, кто это познает!

Юноша обрадовался. Надо же, какой он удачливый! На следующий день он явился к жилищу понравившейся ему девушки. Любовь научила, что сказать – и девушка, услышав речи молодого человека, ответила взаимностью. Он привел ее к себе домой, и с тех пор они стали жить втроем: юноша, девушка и Любовь.

Прошла тысяча ночей. Однажды юноша возвращался с охоты. Ему так и не удалось ничего поймать, всю добычу распугал появившийся в окрестностях ужасный лев. Юноша

уже увидел выступившую из-за ветвей возлюбленную, которая спешила навстречу, чтобы обнять его, и он почувствовал то же, что и всегда, когда видел ее: счастье. Усталость, боль в ногах покинули его – то было исцеление от необыкновенного чувства.

Все это являлось дарами Любви.

Вдруг над тропинкой метнулась тень. Лицо девушки искажилось от ужаса, она отпрянула... но было поздно. Лев, прокравшийся за юношей в деревню, бросился на девушку и ударил ее лапой в грудь. Девушка вскрикнула и упала, и крик этот отозвался в сердце юноши оборвавшейся струной. Он подумал, что сердце его вмиг разорвется, но вдруг невиданная смелость, граничащая с безумием, охватила юношу – и то тоже был дар Любви. Жители деревни уже пытались победить льва, но все эти смельчаки лежали в земле. Он это знал. Однако юноше было плевать. И когда лев вновь кинулся на девушку, юноша выхватил нож и бросился на чудовище.

Он кромсал и резал толстую шкуру, лев ревел и раздавал удары – и острые когти рвали одежду парня, оставляли глубокие порезы на его ногах, груди и лице. Но юноша, вне себя от ярости, продолжал бороться как никогда в жизни и наконец вонзил лезвие в грудь льва. Чудовище дернулось, забило лапами и стихло.

Чудом – иначе то не назвать – юноша победил!

Но когда он подбежал к девушке и упал перед ней на колени, единственное, что успел услышать, это ее прощальные

слова. Глаза возлюбленной закрылись, и дыхание стихло навсегда. Юноша согнулся над ее телом, из его глаз брызнули слезы – первые слезы, пролитые человеком. Он схватился за сердце и закричал столь громко, что сбежался весь люд из деревни.

Его пытались успокоить, но те, кто прежде не терял любимых, не могли понять его чувств. «Все будет хорошо, ведь ты жив», – говорили ему, но что было юноше до той жизни, когда он потерял возлюбленную? Вдруг в толпе он увидел знакомое лицо.

– Ты! – вскричал он. – Ты меня обманула!

Юноша метнулся к Любви и сдернул с нее белый плащ, и оказалось, что под сияющим одеянием было другое, черное, как само горе. Едва юноша коснулся Любви, открылся ее истинный облик: когти льва ранили не только юношу, но и саму Любовь, и из многочисленных рваных ран струилась кровь, а по щекам стекали багровые слезы.

– Так вот каков твой истинный лик! – воскликнул юноша. – Ты позволила мне узнать величайшее счастье, и теперь я его лишен – большего горя в мире я не знал!

– Такова Любовь, – отвечала женщина, – ибо за каждый дар человек должен платить. Любить – значит познать великое счастье, но за любовь тебе придется и страдать.

– Если так, я не хочу знать любви отныне! Я проклиная тебя: да будешь ты скитаться по деревням и стучать в дома, но пусть ни одна душа не услышит твоего стука! Пусть ни

один человек не узрит твоего кровавого лица! Пусть твой голос станет не громче дыхания мертвеца! Отныне я закрываю для тебя свою дверь!

– Одумайся, – умоляла Любовь. – Закрывая дверь для других, ты сам запрещаешь! Обратишься в живой труп!

Но юноша не хотел ничего слышать.

И все произошло, как он сказал, – Любовь иссякла и стала невидимкой. Она хотела сказать что-то еще, но юноша прошел мимо, не слыша ее слов. Любовь стучала в дверь, но юноша не открывал.

Ночи сменялись рассветами, но юноша, закрывший сердце для любви, этого не замечал. Отныне ничто не нарушало его спокойствие. Он проходил мимо умирающего на холоде сородича и не подавал тому руку. Слышал мольбы о помощи и молчал. Юноша перестал чувствовать. Высох изнутри. Когда же он состарился и умер, никто не пришел на его могилу – ибо люди сторонились нелюдимого и черствого человека.

Любовь же прозвали *Той, что не имеет лица*. Смерть одолевала людей, их род угасал. И пошла молва: тот, кто сумеет найти Любовь, получит средство от Смерти – ведь скоро на земле не осталось бы ни одного человека! Люди искали Любовь, звали ее, но услышать голос невидимки не могли.

И однажды, когда сто лет безутешных поисков подошли к концу, житель последней на свете деревни проходил через могильники. Он услышал голос того самого юноши, Первого и Последнего Влюбленного. И голос сказал: «В моем сердце

хранится ключ – им ты сможешь вывести Любовь в мир. Хочешь ли ты этого?»

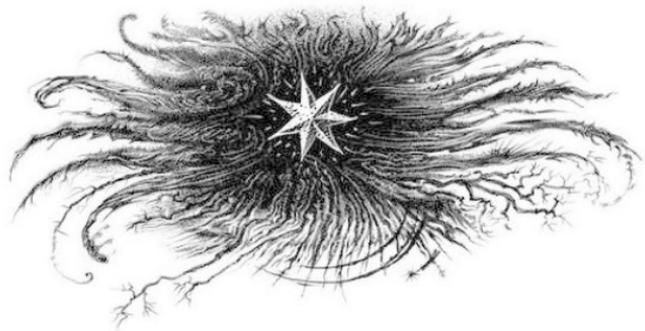
Путник был готов на все, чтобы спасти свой род. И согласился.

Но Последний Влюбленный сказал: «Отныне Любовь не предстанет людям просто так. Лишь через тернии вы увидите звезды. Любовь просит, чтобы ты дал клятву». И Путник дал клятву Безликой: «Я знаю, что, если буду любить, стану и плакать».

И вдруг Путник услышал мелодию – она шла от могилы Первого Влюбленного, из его сердца, что когда-то познало Любовь. Путник пропел эту песнь и вдруг узрел Любовь!

И нашлось решение против Смерти: у человека родились дети. Когда он умирал, то потребовал клятвы от своих сыновей – и тогда его дети стали Последними Влюбленными. А после – дети их детей. Не все на это соглашались, ибо любить – означало страдать. Но благодаря тем, кто все же впускал в сердце любовь, человечество продолжало жить. И живет до сих пор.

Так-то, юноша! И не верьте тем, кто говорит, будто любовь – это сказка. Лицо любви ужасно: оно черно, на нем застыли кровавые слезы – но, юноша, дары ее прекрасны. Ведь они – сама жизнь! И Любовь – единственное, что дает отпор Смерти уже многие тысячелетия. Так будет продолжаться до тех пор, пока найдется хоть один человек, кто впустит ее в сердце.

Глава 5

О кровавом рассвете

– Больно, черт возьми!

– Ш-ш-ш, успокойся, идиот. А ты как хотел? Чтоб как маслице, ага? Это ж настойка на чистотеле! Нахватал ссадин – терпи. На вон, чай хлебай и зубами не клацай. Е-мое, кожа да кости, – приговаривала Шныряла, замазывая порезы на спине Тео и попутно тыкая его в худые выступающие ребра. Теодор вздрагивал и ежился, сидя в холодной комнате без

рубашки. Сам дотянуться до ушибов на спине он не смог, пришлось просить Шнырялу.

– Ну и дрищ ты, Теодорка, – заключила девушка, – кто ж на тебя посмотрит такого?

– С каких пор тебя это волнует?

– Не вертись, червяк патлатый! Ну как, у вас же там с Сандой...

«Шныряла заговорила со мной о девушках? Ей-богу, в лесу что-то сдохло... Медведь, наверно. Или сразу сотня».

– Так, все ссадины замазала! Ох уж эта Полночь – по тебе будто телега проехала, а поверх того еще Кобзарь на своих каблуках проскакал.

Тео сгреб со стола рубаху и юркнул головой в ворот. Шныряла завинчивала баночки и что-то напевала под нос.

«Еще и поет! Нашу Шнырю подменили, что ль?»

– Знаешь, я с Сандой так и не увиделся.

– Она в приюте.

– Что?!

– То. Оказалось, ее мать в психушке, а отец умер – он вроде как болел долго, а от дочки скрывал. Симион Стан же был начальником полиции, у него хорошая квартирка – только девочка еще малая, отдали ее тетке, так тетка в квартиру заселилась, а Санду уpekла в приют! Теперь ей только ждать, пока восемнадцать лет стукнет, чтобы вернуть себе дом. Если сможет. Тетка уже на все руки наложила. А приют этот... – Шныряла хмыкнула и поскребла шею. – Лучше

туда не попадать.

Вот почему Тео не заставлял Санду, хотя ходил к ее дому который вечер!

– Черт возьми... – Тео сжал кулаки. – Чем ей помочь?

– Ничем. Мы – нежители, Тео. У нас нет прав. И голосов тоже нет.

Тео уставился на железную кружку.

– Ты пей. А то, глядишь, и сопли на кулак начнешь нама-
тывать!

– Я ухожу, Дик.

– За мамой? Веришь этому Йонве?

Тео покачал головой. Не верил. Но вдруг все-таки? За па-
ру дней Тео очухался, собрался в дорогу и сегодня должен
уйти.

– Не ходи, Тео.

– Я не могу.

– Тогда возьми с собой кого-нибудь. Того же Вика.

– Я думал, он...

– Тео. – Голос Шнырялы дрогнул. – Господарь Горы
мертв.

Тео выплеснул на пол добрую половину чая.

– Чего-о?!

Шныряла обернулась. Щеки ее горели.

– Теперь Виктор – новый Господарь!

Тео почувствовал, как челюсть медленно отвисает. Шны-
ряла кратко пересказала события, но он чувал, что девушка

многое недоговаривает. Не зря же время от времени ее рассказ неловко прерывался, а щеки вспыхивали.

– Санда в приюте... Вик – новый Господарь... А где Ворона?

– Исчез.

Все это Теодору отчаянно не нравилось. Он попрощался со Шнырялой и вышел, хлопнув дверью. За то время, что Тео просидел в лачужке, закат уже отгорел, и лишь тонкая полоска багрянца напоминала об ушедшем за горизонт солнце. Теодор отправился к речке – там наверняка можно было найти змей, и потратил битых полчаса, чтобы отыскать хоть одну.

Наконец ему попался старый, неповоротливый уж, и Тео почувствовал себя полным идиотом, когда схватил бедолагу и, подняв его перед собой, принялся махать кулоном Змеевика у морды ужа и орать:

– Мне нужен Мертвый Господарь! Слышал? Мертвый Господарь! Эй, ты оглох или как?

Уж не подавал признаков ума – хотя, быть может, именно бешеные вопли Теодора лишили его последних капель рассудка, – и Тео махнул на него рукой и отпустил. Он уже возвращался к проклятому дому, чтобы забрать вещи и пуститься в опасный путь, как вдруг увидел знакомую фигуру.

Вик сидел, прислонившись к стене, и смотрел на звезды.

– Хотел меня видеть?

Вик встал и отряхнул черные одежды. Казалось, за пару

ночей он повзрослел на несколько лет – скулы заострились, складка на лбу стала глубже.

– Я хочу отыскать маму... – Тео взглянул на Вика. – Но не верю Йонве. Знаю, что это ловушка, и все-таки хочу проверить. Вдруг...

– Я понимаю.

– Я не стану тебя просить. Тем более сейчас. Дика рассказала... Но если ты можешь... Если хочешь, – поправился Теодор.

– Тео, – Вик чуть заметно улыбнулся, – ты же помнишь, что я тебе сказал? Ты – мой друг. И Глашатай Смерти все-таки прав. Друг – тот, кто отдает, ничего не взяв взамен. Я пойду с тобой хоть на край света, и если тебе понадобится моя жизнь – я отдам ее. Ты нас спас.

От этих слов будто рассветные лучи пролились в душе Теодора. На какой-то миг он почувствовал, что годы, разделившие его с безоблачным прошлым – годы долгие и темные, – вовсе не существовали. И Шныряла, и Змеевик – его друзья. Друзья!

От этой мысли Тео вздохнул легче. Он быстро забрался на чердак, схватил походный мешок. Они зашагали по тропинке к зеленым склонам Карпат, а через несколько минут позади послышался звонкий цокот. Тео оглянулся: по гаснущему небу, перескакивая с воздушного потока на другой, к ним опускался черный конь. Едва копыта чудесного животного коснулись травы, Вик протянул руку – и конь, склонив

огромную голову, радостно ткнулся мордой в ладонь хозяйна. Тео залюбовался: таких больших и статных коней, пожалуй, не было даже в конюшнях мэра города.

– Мы полетим на Темногоре, – сказал Вик. – Так гораздо быстрее.

Ветер раздувал волосы Тео, и он подумал, что зря не заплел косу. Порывы норовили стащить с седла, но Тео упорно цеплялся за коня, стараясь не глядеть, как внизу проносятся сначала ветви деревьев, затем верхушки, а после – горы. Ветер холодный. Приставучий. Злой. Совсем не по-апрельски кусал за щеки, хватал ледяными пальцами за одежду. Но даже в доводящих до дрожи порывах ощущалось новое чувство. Природа нынче дышала иначе.

Так, как дышится лишь весной.

Внутри Тео все замерло, когда он решился взглянуть вниз: далеко по левую руку мерцали огоньки Китилы. Городок, ставший ему почти родным – все же столько улочек он облазил в поисках игральных костей! – уплывал далеко-далеко к горизонту, а впереди распахивалось темное море леса и вершины трансильванских Карпат.

С высоты птичьего полета мир казался необъятным, и Тео подумал, каково Вику быть Господарем этих самых гор? Что известно ему о тех чудесах и, быть может, ужасных тайнах, скрываемых корнями древних Карпат?

Он заметил мелькающие тени сов и вспомнил своего по-

гибшего друга. Сердце екнуло – и вовсе не оттого, что конь сделал вираж. Ему почудилось, будто на тропинке мелькнуло маленькое рыжее пятно – быть может, перекидыш-лис?

Не его отец.

Тео сжал пальцы. Больно. Пусть так. Пусть больно будет пальцам, щекам и волосам, которые нещадно трепал ветер, но только не сердцу.

«Мама, – мысленно обратился Теодор. – Где же ты? Если я тебя увижу...»

Он представил ее лицо. Вдруг до жути захотелось обнять ее, пожаловаться на то, что случилось, – совсем как в детстве.

«Когда я увижу тебя, я...»

Тео не знал, что скажет, но сердцу было известно больше. Спереди, заглушая ветер, донесся крик Змеевика:

– Яломица!

Тео разглядел в долине между двух хребтов светящиеся квадратики. Окна. Они пошли на снижение, ели словно подпрыгнули к ногам Теодора, и через несколько стремительных мгновений, когда звезды и взошедшая луна замельтешили в глазах искрами, копыта коня коснулись земли, и Теодора встряхнуло в седле. Темногор немного проскакал по тропинке за поселком и остановился.

– Вот она, тропа, ведущая на восток. – Вик указал на хребет.

Тропа уползала в лес. Узкая. Кривая. Но почему-то свет-

лая – точно с небес бросили веревку и она упала между деревьями извилистыми петлями. Из лесу веяло тишиной. Сыростью. Лес дышал туманом и ночью – и звуки раздавались уже не вечерние, а именно ночные: тот самый неясный шелест, шорох, от которого мороз по коже.

Дальше двинулись пешком. Змеевик вел Темногора за луку, и единственное, что нарушало траурную тишину на тропинке-петле, обвившей гору, словно шею висельника, – негромкий цокот копыт, когда Темногор наступал на камни, крики сов и собственное дыхание Теодора. Частое, сбивчивое.

«Она по-прежнему в Трансильвании. Пойдешь по тропе от села Яломица через Сычий перевал на восток в гору. Запомнил?»

Когда-то отец собирался в долгое путешествие на Сычий перевал – там, на дне долинки, располагалось село Яломица. Лазар обещал взять Теодора с собой. Но что-то услышал и передумал. Как он только новости узнавал? Теодор знал, что, когда его не оказывалось дома, к отцу приходили посетители. Отец, бывало, отсылал мальчика по делам в деревню или в лес, а когда Тео возвращался, понимал, что в доме кто-то был. Незнакомый запах в комнате. Грязная посуда. Странные разговоры родителей.

Тео понял лишь сейчас. У отца бывали нежители.

После того как отец не взял Тео в поход из-за чьего-то ночного визита – так и оставшегося неузнанным, Лазар долго

ходил нахмуренный, перешептывался с матерью, – так, чтобы он, Теодор, не слышал. А Тео бесился.

Отец обещал!

Затем Тео нашел окровавленные полоски ткани в костровой куче. Отец кому-то помогал. Не из деревни. Лечил – а кого, Тео так и не дознался. И кто-то рассказал отцу нечто, из-за чего Лазар передумал брать Тео на Сычий перевал. И сам не пошел.

Почему?

Теперь Теодор идет сюда без отца. Сам.

Вот как.

Ночь наплывала – звездная, сырая, тревожная. Земля чавкала под сапогами, и Теодор то и дело оступался на извилистой тропке. Змеевик замирал, отводил от уха косицы и прислушивался. Они забрались уже высоко, но Тео все оглядывался, высматривая далеко в долине мерцающие огоньки Яломицы.

Вдруг из низины поднялся туман. Наползло большое облако – стремительно, точно вырвавшийся из-под крышки чайника пар, только сырой и холодный. Облако протянуло щупальца к обрыву, помедлило и двинулось прямо на путников.

Змеевик поежился.

– Тео, держись рядом. Скверное дело.

Еще в Полуночи Тео знал, что Вик питал страх перед туманами, но только после Баговых Топей понял почему. В ту-

мане не видно. Ни тебя самого. Ни того, что может скрываться в пелене. Есть ли что-либо более пугающее?

Темногор всхрапывал, и оба парня прижались к коню, двигаясь вместе с ним сквозь плотную серую завесу.

– Ничего не видно. Хоть бы скорее проползло это облако!

Лес пошел иной – деревья изгибались, расступались перед большими валунами. Ближе к вершине гора вспучилась, пошла трещинами, ошетибилась в небо частоколом узких скальных выступов. Между впадинами сгустилась темнота. Тео уж думал предложить подождать, пока туман рассеется, и тут Вик остановился.

– Следы.

На влажной земле темнели углубления.

Вдохнув сырой туман, Тео нагнулся и осмотрел вмятины на земле.

Сомнений быть не могло.

Человеческие следы.

Тео глядел на маленькие выемки, оставленные пальцами, округлую вмятину от пятки. Здесь, на вершине горы, человек ходил босиком. Почему?

Быть может, кто-то решил, что достаточно тепло, чтобы побродить в лесу без обуви? Теодор всмотрелся в обступившие их сумрачные стволы. Этот лес не походит на тот, где можно нежиться на лужайке.

По коже поползли мурашки – медленно, противно.

Вик прошел вперед, осматривая землю. Нагибался, водил

пальцами по грязи, что-то бормотал под нос. Жилка на виске Теодора билась точно обезумевшая. «*Йонва, Йонва, Йонва*, – стучала колотушка в голове. – А вдруг не солгал? Мама...»

Тео привел с собой Вика, и если ошибся... Он подведет друга! Змеевик оглянулся.

– Где Темногор?

Тео тоже оглянулся. Коня не было.

Вик свистнул, и жутко искажившийся звук проглотил туман. Парень сжал рукоять меча и вытянул длинный клинок из ножен. Если прежде Тео не решался высказать мысль об опасности, то этот жест буквально отрезал от них спокойствие.

– Стой здесь.

Вик с мечом наперевес зашагал назад, и через какое-то время до Тео вновь донесся свист, и в тот же миг...

Тео круто развернулся. Глаза расширились, впились в крутой поворот, за которым сгустился туман.

Он не ослышался.

«Нет», – сказал себе.

Впустую. Сердце решило за него.

«Стой!»

Ноги сами понесли вперед. Утопая в грязи, вытаскивая сапоги и увязая вновь, Теодор ринулся вперед по тропе – и глаза шарили меж деревьев, пытались отыскать источник звука в клочьях тумана. Он расставил руки, растопыбив пальцы, словно хотел поймать снова то, что услышал.

Крик.

Откуда-то кричали. Может, ослышался?

«Топи! – закричал голос в голове. – Топи! Ты ошибся,

Теодор. Вспомни Топи!!!»

На этот раз не ошибся.

Он слышал.

Голос.

Ее, черт возьми!

Ее!

Тео позабыл обо всем, только на бегу оглянулся, окликнул Вика. Вдали раздался ответный свист, но Вик не появился. Тео выскочил к повороту – дальше тропинка уходила вверх, виднелся просвет ночного неба: среди белесых ключев мерцали звезды. Вершина горы.

И тут закричали снова.

Совсем близко.

Теодор пошел туда, откуда донесся тихий отзвук, и увидел. Там, слева. Расщелина. Сердце заколотилось как взбесившееся. Тео дышал с трудом. Каждый вздох – боль в ребрах, сердце.

– Ви-и-ик! – снова крикнул Теодор в туман. Но Виктор не отозвался. – Где же ты?

Тео выругался, дрожащей рукой нащупал рукоять ножа и осторожно сошел с тропы, внимательно оглядывая кусты. На одном он заметил обломанные ветки. Кто-то проходил здесь, и совсем недавно! Вверху над скалой проплывал ту-

ман – от дыхания леса ветви гнулись и колыхались, точно волосы утопленника на дне реки. В десяти шагах от дорожки обозначилось черное отверстие между камней, точно скала набрала полный рот мрака.

Тео уставился на провал. Там? Там.

Там-там-там, стучало сердце, и Тео обернулся на стену тумана и деревьев. Никого. Сглотнул комок в горле и подошел ближе.

Всмотрелся в темноту. Ничего не видно.

Тео нащупал в кармане отсыревший коробок. Отшагнув в сторону, поднял сосновую ветку посуше и, постоянно оглядываясь, принялся чиркать спичками. Пальцы не слушались. Туман плыл и плыл. Деревья толпились за спиной, смотрели черными листьями в затылок. Наконец по сухой коре пробежали искры, ветка задымила и загорелась. Тео выставил ее перед собой и, зажав в другой руке нож, на подгибающихся ногах двинулся к провалу.

Ему казалось, сейчас он упадет от волнения и страха. Мысли путались. Язычок пламени обозначил низкий свод, затем осветил пещеру. Лежак у стены, тряпье. Миски какие-то. Кувшин. Еще один, уже разбитый. Кости. Посередине – погасший костер. Больше ничего. Просто выемка в скале, уголок, чтобы пережить холод.

Запах такой, что задохнуться можно.

Тео сделал шаг внутрь, и в дальнем углу в неверном свете заметил силуэт...

– Мама!

Он в два прыжка пересек пещеру и, склонившись над матерью, позвал ее, но она лишь пошевелила губами, что-то бормоча и стелая.

Теодор провел рукой по синим запястьям, прошелся пальцами по засаленной веревке и принялся кромсать ее ножом.

Работал быстро. Даже не оглядывался – слух удесятерился, он слышал любой шорох за спиной. Вдали засвистели, донеслось ржание коня, но Тео продолжал. Пот стекал со лба, он закусил губу так сильно, что почувствовал на языке кровь. Взгляд Тео скользнул по ужасным грязным веревкам. По ссадинам на руках, налившимся кровью и синью. По кровоподтекам на шее. «Кто? За что?» Ярость подкатила к горлу тошнотой. Тео колотило и потряхивало, и в глазах потемнело от гнева.

Худая. Кожа да кости. Волосы закрыли лицо – даже глаз не видно, но локоны колышутся от бормотания и стонов.

Веревка упала к ногам Тео, и он замер с ножом в руке. Страшная мысль поразила точно удар молнией. На ум сразу пришла камера с Лизой – теперь воспоминания вернулись. Он помнил смерть Лизы. И теперь... Тео еще раз поглядел на мать.

Шкура. Ее нет.

Тео бешено заозирался. Подскочил на ноги и заметался по пещере, переворачивая миски, тряпье, лежак. Пусто! Бросился к костру, зарылся руками в пепел. Поднес ладони к

глазам. На ладонях осталась сажа. И длинные рыжие волосы.

Шкуру сожгли.

«Тварь! Кто эта тварь?!»

Тео словно окатили кипятком. Ярость поднималась жгучей, давящей грудью волной. Теперь-то Теодор прекрасно знал, что значит для нежителя лишиться шкуры! Его ждет мучительное угасание – точно у человека, лишенного еды. Добыть новую шкуру можно, но почти невозможно...

«Так, стоп! – приказал себе Теодор. – Об этом подумаешь позже. Придумаешь что-то, найдешь новую шкуру! Сейчас – помоги ей!»

Тео бросился обратно к матери, упал на колени и легонько тронул худое плечо.

– Мама! Мама!

– Беги... – едва слышно выдохнула Мария.

Теодора обдало холодной волной. Он обхватил маму одной рукой за плечи, другую подсунул под колени и поднял. Голова кружилась, Теодора шатало из стороны в сторону, но он понес маму к выходу из пещеры.

Теодор услышал свое имя на тропинке и на этот раз не допустил ошибки, доверившись себе!

Мама ждала его?

Сердце сжалось от этой мысли.

«Мама... Мамочка...»

Лес побелел от тумана. Тео только пересек поляну, как

впереди послышался частый цокот копыт. Из мутной пелены выскочил Вик на Темногоре.

– Скорее, Тео! – закричал Вик с перекошенным лицом.

Конь заржал, и Тео поспешно отступил в сторону. Темногор пронесся мимо, всхрапывая и выдыхая клубы пара, и резко остановился. Тео заметил на его темном крупе длинную багровую полосу, похожую на следы от когтей.

– Что случилось?!

Вик в одну секунду соскочил с седла и бросился к Тео. Парень мельком взглянул на Марию, пробежал взглядом по ее лохмотьям и ссадинам и, опомнившись, подхватил женщину под спину.

– Янко! – послышался тихий стон.

– Мам, это я!

– Янко...

– Она что, не узнает меня?

– Быстрее, быстрее, Тео! Темногор не унесет троих! Усади ее в седло!

Вик помог Теодору поднять Марию в седло, затем выхватил меч и бешено заозирался, готовый отразить нападение.

– В седельной сумке веревка, привяжи ее, пусть летит! Скорей, Тео, давай же!

– Он здесь... – хрипло выдохнула Мария. – Здесь... бегите...

И Тео ощутил: что-то не так. Не видя, не слыша, не зная. Нутром, быть может, или шестым чувством – как животные

знают о приближении землетрясения и начинают беспокойно метаться, искать укрытие, в то время как человек ни о чем не догадывается. Так и он догадался о приближении *чего-то*. Теодор поспешно открыл сумку, вытащил моток веревки, попутно придерживая мать на седле, но вдруг конь замотал головой и громко всхрапнул.

– Стой, Темногор! Тп-р-р-ру!

Лошадь не послушалась, попятилась – и Теодор, вытянув руки, кинулся следом.

– Нет, куда?

Внезапно дохнуло могильным холодом. Запахи стали ярче, а мир – четче.

– Тео-о-о, скорее-е-ей!

Теодор обернулся на секунду и увидел, что Змеевик стоит с занесенным мечом – и от поворота, сквозь подсвечиваемую луной пелену, к ним движется темный высокий силуэт...

Темногор заржал от ужаса и попятился.

Тео хотел было обернуться к коню, но руки и ноги его буквально оледенели, застыли при взгляде на ползущую жуть. Длинное, точно сотканное из дыма тело. Нечеловечески вытянутые конечности. Ни глаз, ни рта. Лица тоже нет. Просто черный силуэт, наплывающий из пепельного тумана. От ужаса хотелось кричать – но из горла вырвался только сип.

Это, движущееся сквозь пелену, не было человеком.

Сгусток ненависти, ледяного холода и ужаса.

Дыхание самой могилы.

«Это – тень», – понял Теодор.

Она пришла за ним. Снова. Но как так? Ведь к нему вернулись воспоминания. Их вернул тот, кого Теодор ненавидел всей душой, он до сих пор запрещал себе думать о случившемся. Еще не смирился с мыслью, что Вангели – его отец.

Тео вернул память! Исцелился от ненависти! От тени!

Он чувствовал, что изменился...

И вот теперь – вновь.

Но Теодор не находился внутри этой тени, как тогда. Он ее вообще не ощущал.

– Янко! – вскрикнула мать.

Тень колыхнулась, отступила.

Исчезла.

Змеевик, оглянувшись на Теодора, заорал:

– Тень ранила Темногора! Мы должны найти ее хозяина и...

Темногор вновь испуганно заржал и попятился.

– Ма!

Тео бросился к Темногору, следом – Змеевик, что-то вопя на ходу про хозяина, нож и живого охотника...

– Ма!

Темногор заплясал, забрыкался, забил передними копытами, несколько раз лязгнул зубами – и вдруг вскинулся на дыбы. Тень гигантского коня упала на тропу, и Тео даже охнуть не успел, лишь увидел, как что-то сдернуло Марию с крупа Темногора во тьму.

Дальнейшие секунды слились в один нескончаемый кошмар. Перед глазами скакал обезумевший Темногор, а на тропе сцепились два силуэта. Вскрики, звуки борьбы, хриплый вопль:

– А-а-а-а!

Наконец Темногор поймал воздушный поток, перелетел через голову Теодора и приземлился за его спиной. Рядом с Тео блеснул меч Змеевика, но поздно.

Тень метнулась обратно в лес и растворилась между темных деревьев. Мария Ливиану осталась лежать на земле. Теодор подбежал к ней, не слыша воплей Змеевика, упал на колени, перевернул лицом вверх – и оторопел.

Лицо матери было покрыто длинными кровавыми порезами, а из рваной дыры на шее толчками выплескивалась кровь.

– Мама!

Мать схватила Теодора за плечо и выкатила огромные голубые глаза. Один смотрел на него, другой на луну. Открыла рот, тяжело сипя.

Тео перестал дышать.

Мир замер.

Застыл.

Воздух загустел, словно расплавленное стекло, которое вынули из печи: ни вдохнуть, ни выдохнуть. Свет погас, напозла темнота.

Мария шевелила губами. Тео не слышал ровным счетом

ничего.

И спустя много дней после этого Теодор все возвращался к тому мгновению. Что мама хотела ему сказать? Что? Этот вопрос не покидал его, мучил вновь и вновь долгие бессонные дни, когда он лежал омертвевший, смотрел в никуда и понимал, что так и не расслышал ее слов.

Не услышал последних слов матери.

Мария вздохнула и застыла. Тело перестало дрожать, пальцы, вцепившиеся в плечи Теодора, ослабили хватку и разжались. Косые глаза остекленели.

Один глядел на Теодора. Другой – на луну. Но Мария их уже не видела.

– МАМА! – закричал Теодор, еще не понимая, не веря, что это бесполезно. – МАМА!

– Тео... Она тебя не слышит...

– МАМА!

Что он понимает, Вик? Ярость охватила Теодора, и слезы ярости и боли застлали глаза. Что он понимает, черт возьми? Нет, не может быть так! Он прошел весь Макабр ради этого, только ради этого! Разве он не понимает? Тео отправился в самую Полночь! Искал маму в этих проклятых Пустошах, Топях, Черных, чтоб они провалились, Замках! Искал везде! Не может быть, чтобы сейчас – когда он наконец-то ее нашел, только что нашел, чтобы...

– Вик, помоги...

Теодор прижался ухом к ее груди – так делал отец, что-

бы проверить умирающих пациентов. Некоторые не подавали признаков жизни, но сердце их еще билось. Иногда он таких спасал.

Сейчас все получится. Ну же. Он должен услышать!

– Помоги, Вик...

Но какая-то часть сознания уже поняла: ни одно снадобье из сумки Вика, даже самое лучшее, не поможет. Случилась беда. *Непоправимая беда*. Тео попытался нащупать пульс. Сжал окровавленными пальцами холодное мамино запястье.

– Тео, послушай меня...

Вик мягко положил руку на плечо Теодора, но тот вскинулся:

– Отвали, Вик!

– Тео, хватит...

Позади испуганно заржал Темногор.

– Отвалите оба!

– Ты не сможешь своей маме, Тео...

Нужно сопротивляться этим словам до последнего. Должна быть уловка. Как в Макабре, разве нет? Если есть вход, есть и выход! Он сейчас что-нибудь придумает. Тео вскочил, но мама так и осталась лежать на траве, глядя на луну широко раскрытыми глазами. Виктор, принявший движение Теодора за решимость, вцепился в его плечо и развернул к себе, заставил посмотреть в глаза.

– Тео, мы должны найти хозяина тени...

– Что?

– Это человек! Он прячется где-то здесь! Ты видел его? Ты не сможешь убить тень, не убив хозяина!

Вик схватил Тео за руку, вложил в его пальцы нож.

Он сказал что-то про «убить»? Именно это сейчас Теодор и хотел больше всего. Убить. Теодор отомстит. Сейчас. Прямо сейчас.

– Где он?

Тео развернулся. Невдалеке переминался с ноги на ногу Темногор. Тео шарил глазами меж деревьев – тень исчезла.

– Почему она не набросилась на нас?

– Не знаю. Возможно потому, что хозяин рядом и хочет удрать. Он может управлять тенью на расстоянии, но сам должен хорошо спрятаться, чтобы его не нашли, – смертный с тенью не справится, а вот тело хозяина беззащитно. Если его найти...

«Пещера!»

Тео оглянулся на маму, но Виктор уже потянул его за собой.

«Нет, нет, нет... Я вернусь. Скоро. Сейчас, только найду этого... Мама, подожди, я сейчас вернусь».

Тео почудилось, что мама чуть шевельнула рукой – или это колыхнулась тень от дерева? Он сморгнул, хотел подойти, но Вик не позволил, упорно тащил за собой. Проклятый Вик!

Ярость застлала глаза, когда Тео наконец осмелился при-

знать себя в том, что мама не пошевелилась. *Почудилось.*

Теперь Тео не боялся. Он убьет хозяина тени сразу, как только увидит. Тео развернулся, ноги сами понесли его вперед.

– Я нашел следы и остатки его трапезы, – сказал Вик. – Понял, что это нелюдимец.

– Нелюдимец?

– Да, это его тень! Он был где-то совсем рядом, не ожидал гостей. Я спугнул его, бросился преследовать, и тогда он решил выпустить тень. Она напала на Темногора, и нам пришлось удирать по воздуху. Я сразу бросился к тебе, потому что в одиночку тень не одолеть.

Змеевик вдруг перехватил Теодора за локоть, развернул к себе. Ноздри раздуты, на щеках – кровавые мазки, жилка над виском билась со страшной силой.

– Тео, я могу убить тень лишь в одном случае: если она нападет на человека. Например, на тебя. Но это смертельно опасно, ты можешь не выдержать ужаса.

Жилка продолжала биться.

– Боишься?

Тео посмотрел в холодные глаза Змеевика. Бойся? Он? Ответил не моргнув. Так же холодно. Почти спокойно.

– Нет.

Вик вглядывался секунду. Понял, что Тео уверен как никто. Кивнул.

– Хорошо.

Тео сжал нож. Он сможет все. Вернется к маме и, может, сможет даже...

Сверху посыпались камни. Змеевик задрал голову:

– На скале!

Он ринулся вверх, крича Теодору:

– Когда убьем тень, сразу же уничтожай хозяина!

Тео карабкался следом. Травы хлестали по щиколоткам, ветви цеплялись за одежду. Они двигались по тропе вверх, преследуя в тумане невидимого беглеца.

Тео то и дело оборачивался в поисках тени. Поскальзывался на влажных камнях, падал и раздирал кожу на руках, но снова и снова лез по тропе. Наконец Змеевик выхватил с пояса нож и метнул куда-то в туман.

Раздался вскрик.

Змеевик зашипел и рванул вперед, Тео за ним – и через какое-то время они настигли беглеца – тот, подтягиваясь на одной руке, упорно полз к кустам. Змеевик подскочил к нему и приставил меч к горлу. Следом подоспел Теодор, но Вик остановил его:

– Нет, еще нельзя, Тео!

Однако ярость была столь сильна, что Теодора ничто не могло успокоить.

– Я УБЬЮ ТЕБЯ! УБЬЮ, УРОД, СЛЫШАЛ? Я УБЬЮ ТЕБЯ!

Мужчина хрипло рассмеялся и тут же застонал, схватившись за плечо, в котором торчал нож Вика. Человек скорчил-

ся на земле, дергая босыми грязными ногами. Одежда невыносимо воняет, порвана и заляпана чем-то бурым. Кровь? Змеевик склонился, схватил мужчину за шиворот и заорал:

– Где она?!

Беглец повернулся к Вику лицом – и Тео отшатнулся. Нечто подобное он видел, когда бежал через Ноктумгард, – лица, бывшие *когда-то* человеческими. Теперь – нет. Это лицо принадлежало монстру.

Налитые красным глаза уставились на Вика, губы растянулись в злой улыбке.

– Боишьс-с-ся?

– Это была твоя тень! – заорал Тео. – Ты убил мою маму!

Монстр перевел безумный взгляд на Теодора и рассмеялся.

– Тео, да? Тот самый... Она ждала тебя... Звала в бреду... Тебя и его... Обоих... Ждала, что ты придешь за ней... Заберешь... Но ты не пришел. Откуда тебе догадаться, где она?

– Я нашел ее! Нашел!

– Наш-ш-шел, – прошипел монстр, – но поздно.

– Я убью тебя!

– Давай, – кивнул тот, – давай, малыш. Убей меня. Ну же, никчемный сосунок. Твоя мамаша свихнулась еще при жизни, пытаясь выносить ребенка. Безуспеш-ш-но. Вернулась, чтобы обзавестись семьей. Женщины – дуры, что ни говори. Из могилы встанут, лишь бы кого-то понянчить! И до чего это ее довело?

– Не смей так говорить о моей матери!

Теодор зашипел и рванулся к монстру с ножом, но Змеевик его удержал. Парень постоянно оглядывался, всматривался в деревья – тени не было.

– Я уко-кош-ш-шил ее, да! Как и хотел – чтобы она мучилась, зараза! Чтобы сдохла, как я, в навозе, в хлеву, среди дерьма! Так ей и надо! И толку, что ты приперся, когда она уже мертва?! Дур-р-рак!

Мужчина вновь расхохотался, но тут же застонал – Теодор поставил ногу ему на грудь и надавил.

– Убей меня, да, убей... А потом я тебя найду. Ты же не Охотник.

– Верно, – проговорил Змеевик. – Он не Охотник. А вот я – да.

Мужчина уставился на Вика и часто задышал.

– Вреш-ш-шь.

– Ты больше не вернешься, чтобы мстить людям. Я убью тебя. Мы убьем.

В глазах монстра мелькнул страх, тут же сменившийся лютой злобой:

– Дур-р-рень. Любишь людишек, да? Сдохнуть ради них готов? Защитничек. Сдохнут скоро твои люди! Все!

– Что?

Вик убрал меч, схватил пленника за грудки и встряхнул.

– Говори!

Мужчина зашелся воем.

– Говори!

Вик потрянул еще раз.

– Слепо-о-о-ой!

– Что?

Вик выпустил монстра, и тот, корчась на земле и хватая пальцами торчащий из плеча нож, завыл:

– Вам конец-с-с! Всем конец-с-с! Он скоро соберет всех, еще немного – и соберет, и тогда... грядет война-а-а-а!

Из-за деревьев послышалось истошное ржание Темногора – он звал так громко и испуганно, что Змеевик вздрогнул. Тео знал, что они с Темногором без слов понимали друг друга. Сейчас то, что кричал Темногор, заставило нового Господаря Горы бросить все и ринуться к деревьям.

– Не успее-ш-ш-шь!

Вик развернулся на безумный хохот. Глаза его пылали от ярости, и Теодор еще никогда не видел на лице Виктора такого выражения. Вдруг Змеевик, сплюнув, бросился обратно, размахнулся и одним движением засадил меч в грудь хохочущего безумца... Тот захрипел и засипел, задергался. Вик вытащил клинок и кинулся в лес.

Тео оглянулся.

Туман на вершине хребта расплзся в стороны, наконец-то проступило ясное ночное небо. Раскинувший руки человек глядел пустыми глазами на луну. Тео затрясло от злости, и ему захотелось всадить нож в труп. Пусть монстр уже мертв, но... еще раз... и еще...

«Нет, – словно подсказало что-то. – Нельзя».

И Тео понял: нельзя.

Спотыкаясь, он ринулся вслед за Змеевиком. Перемахивая через покрытые испариной валуны, оскальзываясь, Тео-дор выбежал на тропинку, которая привела его на поляну.

Посередине поляны на коленях стоял Вик и гладил лежащего коня по голове.

Темногор, вытянув шею, хрипло и часто дышал. Живот его был иссечен множеством красных полос – кровь выплескивалась на землю от каждого вздоха. Глубокие, незаживляемые раны. Конь подрагивал, а Змеевик что-то бормотал ему. Парень прикоснулся пальцами к шее Темногора и провел ладонью по гриве. Конь уже не пытался встать, лишь косил глаза на своего хозяина и тяжело дышал.

– Т-ш-ш, – услышал Тео слова Вика. – Пожалуйста.

Темногор ткнулся окровавленной мордой в грудь Змеевика, захрипел. Вик обхватил его голову, притянул к своей груди и низко наклонил лицо, что-то шепча на ухо Темногору.

Конь содрогнулся всем телом...

И затих.

Вик замолчал. Прижал лоб ко лбу любимого коня, многочисленные косы рассыпались с грустным переливчатым звоном.

Тео подошел и тихо встал рядом.

Поляна представляла собой место побоища: взрытая земля, колдобины и вырванные клочья травы. Следы босых ног,

сапог и копыт. Брызги крови...

Змеевик оперся на меч и поднялся на ноги. Какое-то время он стоял, судорожно сжимая пальцами рубашку на груди. Затем провел ладонью по лицу, вытирая мокрые глаза.

– Я найду его, Тео... Человеком или змеем, найду. И убью. А потом снова найду и снова убью. И так столько раз, покуда твоя и моя боль не утихнут. Темногор был мне ближе, чем вся сотня моих братьев. Ближе, чем родной отец. Когда я был маленьким, у меня не было друзей. Мать бросила меня, убежав из царства отца, ей не было дела до того, что будет со мной. А я остался. У змей. Один... Темногор единственный меня *любил*. Не отец, не братья, – грустно скривился Вик. – Никому я не был нужен. Только ему. Он чувствовал все, что я хотел сказать. Как человек, понимаешь?

Вик покачал головой.

– И он единственный, кто был со мной рядом всегда – в радости, в беде. Он столько раз спасал меня! Ты бы знал, сколько! Теперь никогда не расплачусь. Я должен похоронить его. Как человека. Со всеми почестями. Потому что, Тео... Некоторые животные – они лучше, чем люди. Понимаешь? Лучше.

Змеевик замолчал.

– Нам не донести тела до деревни, – тихо проговорил Тео. – Нужно что-то придумать.

Змеевик поглядел поверх верхушек деревьев, на восток. Еще темно.

– Я скоро. Подожди.

Вложив меч в ножны, Вик побрел вниз по тропинке и скоро скрылся из виду. Тео сидел немного возле Темногора, а потом спустился на поляну, где лежала Мария. Как он прожил эту ночь, Теодор не знал. Все было как в тумане. Он сидел рядом с мамой. Ждал возвращения Змеевика, по привычке дышал, хотя иногда все же забывал, и тогда боль пронзала легкие, а следом все тело.

Невыносимо.

Тео прошел сотни километров, чтобы найти маму. Отправился в мир самой Смерти. Йонва не солгал! Она действительно была здесь. Но лжец оказался лжецом и утаил от Теодора то, что его поджидает засада.

Кто этот монстр, охранявший маму?

Одно из чудовищ Йонвы?

Тень...

Тео содрогнулся.

Эта тень – совсем как у него.

Значит, он мог бы стать... таким.

Тошнота подкатила к горлу. Тео взял мать за руку. Холодная. Открытые, остекленевшие глаза смотрели в небо, и Теодор прикрыл ей веки. Похоже, будто спит. Пусть спит...

Она отмучилась.

За него.

«Она ждала тебя... Звала тебя в бреду... Тебя и его...

Обоих...»

Тео закрыл глаза. Он снова был самым одиноким человеком на всем свете. И пока никто не видит, Тео дал себе волю – и заплакал.

Вик принес из Яломицы лопаты. Они работали молча. Никто не проронил ни слова. Глухо стучали отбрасываемые комья, скрежетали лопаты. Теодору хотелось этого – боли в руках, во всем теле, чтобы отключить мозг. Он копал с остервенением, будто рыть землю теперь стало самым важным в его жизни. Ничего иного не осталось. Работал с таким усердием, что, когда могилы для троих были выкопаны, на его ладонях набухли мерзкие пузыри с жидкостью. Он тут же с остервенением их полопал.

Тео не хотел хоронить чудовище, но Змеевик потребовал. – Люди придут, – сказал он. – Не сейчас, так позже. Никто не должен знать, что здесь могилы.

– А как же крест? Неужели...

Змеевик покачал головой.

Вот как. Значит, из-за этого чудовища у матери даже креста не будет!

Тео притащил тряпье из пещеры нелюдимца и устлал могилу для матери. Жалкая жизнь и такая же смерть. Он набрал в руку земли, но долго не решался бросить. Так и стоял на краю могилы, смотрел на маму, лежащую там, в глубине, и прижимал дрожащую руку к животу.

Он не мог.

Этот ком навсегда отделит Теодора от мамы.

Змеевик подошел, встал рядом. Нагнулся, зачерпнул горсть чернозема и произнес:

– Мать-земля, услышь слова своего сына... Прими в вечные объятия ту, что отдала сердце и всю себя ради новой жизни. Которая даже после смерти стала Матерью, не переставшей дарить любовь. Пусть следы ее пребудут в мире и не сотрется память о ней до тех пор, покуда живы те, в чьей памяти Мария Ливиану останется жить...

Змею – змеево...

Вик бросил ком, и тот, разлетевшись в воздухе, дробно застучал по телу матери Теодора. Тео содрогнулся, его живот скрутило от боли.

– Камню – каменное...

Вик вновь зачерпнул землю, бросил.

– А человеку – прах.

И только тогда, когда Вик выполнил половину работы, Теодор нашел в себе силы последовать его примеру. Вик же долго сидел на могиле Темногора, склонив голову, – и Тео знал, что тот чувствует. То же, что и сам Теодор, когда лишился Севера.

Иногда животные человечнее людей.

А люди становятся хуже монстров.

Вскоре небо на востоке посветлело. Из-за гор вставало огромное солнце, пробиваясь сквозь пелену облаков. Наконец светило прорвалось сквозь тучи и оказалось ярко-красным, точно свежая рана.

Природа чувствовала боль Теодора. Слышала его сердце.

Потихоньку лес пробуждался. Просыпались птицы, светлеющее небо пересекли черточки – птичьи караваны возвращались из дальних краев. Жизнь продолжалась.

Но не для всех.

Роса выпала на свежевскопанную землю. Пройдут дожди, летом вырастет трава, зимой холмы покроет снег. Следующей весной, быть может, взойдут подснежники – здесь, на вершине горы, распустятся первые в году цветы. Пройдут годы, когда-нибудь Теодор уйдет в землю и сам. Не найдется никого, кто бы помнил о подвиге Марии Ливиану. О том, что она была мамой Теодора.

Пусть приемной.

Но родной.

Самой родной.

Не менее, чем та, которая осталась в прошлой жизни.

– Тео, нам пора, – наконец сказал Змеевик.

Тео мотнул головой.

– Я понял, что задумал Йонва. – Вик подошел ближе.

– Что?

Тео уже и позабыл о словах нелюдимца. «Слепой», «война»... Он действительно говорил о Йонве! Почему-то Тео это не казалось удивительным. Словно он ожидал.

– Перед тем как я вернулся в подгорное царство, там побывал Йонва. Он получил от моего отца четки. Но чтобы напасть на людей, Йонве потребуется армия. И я знаю, где он

возьмет солдат. Наберет нелюдимцев.

Таких, как тот монстр. Таких, каким чуть не стал сам он, Теодор Ливиану. Тео догадывался, что Вик слишком много знает о нем.

– Почему ты молчал, хотя знал, что я – нелюдимец?

– Ты им не был. Но... я сомневался. Еще никогда не видел живого, призывающего тень. Такого не бывает.

Змеевик покачал головой. Тео гулко сглотнул.

– Тео, настал миг, когда я сброшу еще одну маску. Да, не зря меня прозвали Маской во время туров Макабра. Когда я вернулся нежителем из-за любви к людям, то – вопреки воле отца – стал кое-кем другим. Отныне я – Господарь Горы. Но остаюсь верен и своему первому призванию. Я – Охотник, Тео. И это не прозвище. Я один из малочисленного народа, чья жизнь посвящена одному: исправлять ошибку Смерти.

– Ошибку Смерти?

– Нелюдимцев. Нежители должны возвращаться, чтобы завершать прижизненные дела. Они не такие, как считает Вангели – тот метет всех под одну гребенку, ненавидит мертвецов только потому, что они не лежат спокойно по могилам. Но нежители кладбища – мирный и тихий народ с единственной целью – исполнить долг и уйти. А вот нелюдимцы – побочный эффект нежительства. Это те люди, кого к жизни вернула особая цель... Ненависть.

У Теодора мурашки побежали по коже. Тень появлялась, когда он злился. И сама тень – воплощение ужаса и ярости.

«Каким же чудом я удержался на краю и не стал... *этим*». Только сейчас Тео понял, чего на самом деле избежал.

– Грядет война, на которую Йонва намерен привести нелюдимцев. Ты даже не понимаешь, насколько это страшное войско. Даже один нелюдимец может перебить кучу народа. Сегодня ты в этом убедился. Их просто так не убить. Да, война грядет, но это значит: пробил наш час. Час Охотников. Ведь я такой не один. И если Йонва собирает войско, настало время и нам собрать свое.

Глава 6

О том, что произошло в таверне

Таверна «Веселая фляга» дремала на краю города Китилы. Светила окнами в темноту на дороге, что уводила из города далеко-далеко – куда, быть может, и ворон костей не заносил. «Веселая фляга» высматривала посетителей. Зазывала желтыми огоньками: там, за стеклами, полыхало пламя очага, а на столах горели свечи. Ну и, конечно, привлекала своим названием (которое полностью оправдывала).

К таверне шагал человек. Задул ветер, резко похолодало. На улице стоял неуютный, пасмурный вечер – на какое-то время весна отступила, впуслав в город сырость и дожди. Порывы норовили сорвать с путника шляпу, трепали ее длинные перья.

На втором этаже постоялец смахнул занавесь в сторону и, расплющив нос, прижался к оконному стеклу. Незнакомец, поправив полы куртки, ступил на порог таверны и потянулся к дверной ручке.

«Черт побери, что это? – подумал постоялец. – Сегодня будет нескучно! Ей-богу, надо спуститься и поглядеть».

Дверь со скрипом впустила нового посетителя в теплый зал. Поначалу на вошедшего не обратили никакого внимания. Но едва он сделал пару шагов, все присутствующие повернули к нему головы. Таверщик многое повидал на своем веку. Залетных ученых – те, едва сунувшись в дверь, тут же выскакивали наружу. Любопытных алхимиков – эти чудачки обсуждали кладбища, трупы и полуночные дела в уголке. Бродячих музыкантов. Цыган. Растерянных девушек, которые с округленными глазами просили «просто воды». Как-то раз даже фокусник заглянул.

Но такого посетителя он не видел никогда.

По таверне «Веселая фляга» – месту сбора людей самого низкого пошиба, от карманников до беглых преступников, от пьяниц до опаснейших драчунов Китилы – вышагивал страннейший посетитель.

Его туфли с поблескивающими бусинами звенели при каждом шаге. Розовые штаны, по сути являющиеся *панталонами*, тоже звенели, как и голубая с зелеными листками курточка, с которой свешивались страннейшие предметы: ключи, кости, пружинки, хрустальные глаза и мэрцишоры. Но громче всего звенела шляпа – столь огромная, что, казалось, на широких полях унесла бы все бутылки, которые сейчас держали в руках многочисленные постояльцы.

Человек растопырил украшенные кольцами пальцы и провел ими по волосам, приглаживая спутавшиеся от ветра разноцветные кудри, перехватил взгляд трактирщика и лучезарно улыбнулся. Трактирщик поперхнулся. Стакан выскользнул из рук старика, кувырнулся в воздухе и со звоном разбился под стойкой. Будто ничего не заметив, незнакомец обвел взглядом зал, приметил в дальнем углу одинокую худую фигуру и направился к ней.

Отовсюду послышался кашель, кудахтанье, по таверне пробежал удивленный ропот. Только справа от стойки слышался басок Кишки, переругивающегося с Бульгой: самые опасные посетители «Веселой фляги» так ничего и не заметили, увлеченно шлепая по столу картами.

Трактирщик перевел взгляд с незнакомца в розовых штанах на двоих амбалов. На его лбу выступил пот. «Пес меня раздери! Если сегодня эта лачуга выстоит – случится чудо!» Из кухни высунулся чумазый мальчишка. Трактирщик кивнул:

– Конопатый, готовь швабру.

Мальчишка округлил глаза и юркнул обратно. Он уже знал, для чего швабра и тряпка. В прошлый раз он битый час оттирал пол от крови, перемешанной с пылью и выбитыми зубами! «Тьфу». – Конопатый передернулся.

Тем временем чужак подошел к заинтересовавшему его посетителю. Человек сидел за бочкой, приспособленной вместо стола, низко склонив голову. Волнистые волосы скрыли лицо.

– Вечер добрый! – лучезарно проговорил Волшебный Кобзарь – а это был конечно же он. Глашатай Смерти присел напротив мужчины. Тот промолчал.

– Ну же. – Глашатай надул губы. – Неужели так сложно сказать «доброе утро»?

– Нашел меня?

– Ты сам хотел, чтобы тебя нашли.

Кобзарь кивнул на железный венец, лежащий рядом на лавке. Затем спохватился – слепой собеседник наверняка не увидел.

– В общем, ладно... Обычно люди говорят: «Сто лет не виделись, дружище!» – но не стану врать. По крайней мере насчет второй части фразы. Первая-таки верна.

Бледные ноздри собеседника раздулись, на его лбу выступила жилка. Пару секунд казалось, что Кобзарь разбудил дракона. Но вот – лицо вновь холодное и сдержанное, будто мраморная маска.

– Подходящий вечер для игры, – сказал мужчина.

– Я бы сказал, подходящий год. Но и вечер тоже.

Глашатай Смерти повернулся к стойке и подозвал официантку. К ним подошла хорошенькая брюнетка: большие карие глаза, пышная коса.

– Принесите карты, пожалуйста, – попросил Кобзарь.

«Пожалуйста» редко звучало в стенах «Веселой фляги».

Девушка удивленно приподняла брови, но через пару минут поднесла им колоду.

– Выпить?

– Да.

Кружки, покрытые испариной, с пеной на ободке, Кобзарь отодвинул в сторонку. Он осуждающе скривил губы, глядя, как посетитель за соседним столом опрокинул в глотку пол-литра махом.

– Кружки зачем? – спросил бледный.

– В этих местах так положено, а я боюсь вызвать подозрение! – шепнул Глашатай. Так, словно на него и не таращился весь зал и люди на лестнице, ведущей на второй этаж, в придачу.

– Итак, игра! – Кобзарь хлопнул в ладоши. – Наконец-то сыграю и я!

– Твоя ставка?

Кобзарь достал из широкого рукава свиток и положил его перед противником. Слепой повернул голову, ориентируясь на шорох. Одной рукой потянулся к бумаге, другой – к во-

роту, чтобы приоткрыть шрамы.

– Сто-о-оп, стоп! Ты так все увидишь даже не разворачивая свитка... Ты же смотришь насквозь!

– Что это?

– Карта.

– Та самая?

– Разумеется! Я что, когда-нибудь лгал? Это вообще-то по твоей части! Теперь твоя ставка.

Бледный человек грохнул на бочку тяжелые наручники – шипастые железные обручи, скрепленные короткой цепью. Грубая, топорная работа – казалось, их выковал сумасшедший кузнец.

– Вот.

– Хм... И зачем мне это?

– Это единственное, что способно мне удержать. С венцом я, конечно, останусь невидимым для всех. Для Смерти, для мертвых, для живых...

– А что, если я привел сюда кого-то из игроков и они сейчас стоят на пороге? Ждут моего сигнала, чтобы схватить тебя, а, Йонва?

Мужчина вздрогнул при звуках своего имени. Сжал губы.

– Нет.

– Почему же?

– Я знаю, что ты пришел один.

– Неужели ты устраивал в «Веселой фляге» шоу? – удивился Глашатай. – Бог ты мой! Нет, я слышал, что они любят

всякие представления, в том числе без одеж...

– Помимо этого таланта у меня есть множество других способов узнавать, что творится вокруг.

Йонва кивнул куда-то в сторону. Кобзарь проследил за направлением. В другом углу у окна стоял человек. Люди проходили мимо, будто не видя его. Просто незаметный тихоня или...

Кобзарь прищурился. В зале темновато. Кажется или у мужчины отсутствует тень?

– Ох, вот как... – пробормотал Кобзарь. – Это что-то новенькое.

Йонва взял колоду, пробежался тонкими пальцами по шероховатому срезу и стал тасовать карты. Быстро-быстро, словно колода попала в руки фокусника. Карты мелькали в паучьих руках с фантастической скоростью. Наконец резкими движениями Йонва выложил перед Кобзарем шесть карт.

– «Дурак»?

– Именно. Кто-то из нас в итоге останется в дураках. Как думаешь, тебе легко будет пережить новое прозвище, любитель философии?

Кобзарь звонко рассмеялся. Но вдруг прикусил губу, стрельнул глазами в сторону наручников и свитка. На его лбу выступила едва заметная испарина. Глашатай Смерти украдкой вытянул платок и беззвучно, чтобы Йонва не заметил его волнения, смахнул пот. Выглядел он напряженно, хоть смех по-прежнему звенел колокольцами. Кобзарь вытащил из ру-

кава будильничек, глянул на циферблат и покачал головой.

– Давай скорее. Если я задержусь... в общем, у меня совсем нет времени.

– Зато у меня его *всегда* полно. – Йонва не спеша выложил перед собой шесть карт.

Кобзарь поджал губы.

– Итак, что выберем? Абсолютно честная игра или мошенничество?

– Что предпочтешь ты?

– Разумеется, второе.

– Не стану спорить.

Йонва потянулся рукой к вороту, но Кобзарь издал предупреждающее «А-а-аа!».

– Так от тебя ничего нельзя будет скрыть. Ты же видишь все! Нет, Йонва, твои глаза останутся закрытыми. По крайней мере те, что под кожей.

Йонва нахмурился, но промолчал. Подозвал официантку и положил перед ней бумажную купюру.

– Будешь называть мне карты на ухо, в порядке слева направо. Так, чтобы он, – Йонва кивнул на Кобзаря, – не услышал. Поняла?

Девушка обеспокоенно посмотрела на Глашатая, но Кобзарь ободряюще улыбнулся. Официантка встала за спину Йонвы, заглядывая тому через плечо в карты.

– Что ж... Да продлится Макабр!

– А что такое Ма... – начала было девушка, но Йонва зна-

ком велел ей помалкивать и протянул Кобзарю колоду.

– Выбирай.

Кобзарь провел пальцем по срезу и, подцепив угол колоды, вытянул карту.

– Козырь крас-с-ной-крас-с-ной масти. Как руки войны. Как кровь, что бежит по венам. Как восход солнца. Как... сердце.

Кобзарь развернул карту к девушке и улыбнулся. Король червей.

– Черви, – подсказала брюнетка.

Йонва раздул ноздри.

– Какая удача! Моя *любимая* масть... – проворковал Кобзарь. – Извини, Йонва. Не везет, так не везет.

Кобзарь положил червового короля на бочку, девушка склонилась к уху слепого и шепотом назвала карты в его руках. Глашатай Смерти посмотрел в свои карты и разочарованно выдохнул. Сплошные пики. Черные пики. Любимая масть Йонвы, конечно же... Кобзарь бросил взгляд на противника, неуверенно вытянул пиковую шестерку...

– Шестерка пик.

– Валет пик.

Кобзарь пробежался взглядом по картам. В углу затесался червовый валет. Выложить?

– Бито.

Кобзарь сграбастал карты. Радость сдуло с его лица. Игра пошла всерьез. Кобзарь то и дело бросал взгляды на колоду,

руки Йонвы пробегали хищными белыми пауками по вееру. Девушка-официантка с любопытством поглядывала на свиток и жуткие наручники, придвинутые к двум нетронутым кружкам пенистого. Воздух вокруг игроков раскалился, стало жарко, на лбу Йонвы тоже выступил пот. Оба хмурились, закусывали губы, ругались под нос. Глаза Кобзаря то и дело метались от колоды к лежащим на столе картам, также он не выпускал из виду Йонву – пальцы противника двигались с фантастической скоростью.

Впрочем, руки Кобзаря были вряд ли медлительнее. Его тонкие пальцы, украшенные перстнями, танцевали над бочкой словно элегантные танцоры – скорость, четкость движений, изящество. Но за всем этим крылась тайна. Да, на кончиках этих пальцев творилось настоящее искусство – искусство шулерства.

Когда на столе в третий раз оказалась бубновая шестерка, девушка приоткрыла рот сказать об этом, но Кобзарь отмахнулся.

– Все в порядке.

– Но...

Не пойман – не вор. Таково было правило этой игры. И Макабра тоже.

– Семерка трэф.

– Валет трэф.

– Валет бубен.

– Дама бубен.

Кобзарь закусил губу... слишком велик соблазн. Глашатай Смерти перевел взгляд на разыгранные карты. Стопка над червовым королем истончилась. Кому же достанется козырный король? Кобзарь посмотрел на своего червового валета. Подбросить или нет?

– Бито.

Разобрали последние карты. Кобзарь довольно ухмыльнулся, увидев червового короля.

– A Deo rex, a rege lex!

Брюнетка приподняла бровь.

– «От Бога король, от короля закон», милочка. Латынь – чудесный, великий язык. Правда, чуточку мертвый. Впрочем, для нас это в самый раз.

Кобзарь перевел глаза на Йонву.

– Ита-а-ак...

Кобзарь шутил, улыбался – в свете свечи зелено-голубые глаза блестели, как два драгоценных камушка. Огонек почти истаял, грозя вот-вот утонуть в озерце расплавленного воска. Но девушке не разрешили отойти и принести новую свечу.

На бочке лежала растрепанная куча отбитых карт. Последний козырь отправился к Кобзарю. На какое-то время повисло молчание. Затишье перед бурей.

Они должны были разыграть последние карты.

И тогда станет ясно, кому отправится выигрыш.

Эти двое словно не замечали, что в зале царит неразбе-

риха. Трактирщик что-то кричал, посетители отвечали ему пьяными воплями. Кто-то поспешно встал, но не успел сделать и шага, как вдруг споткнулся, словно запутался в собственных ногах, и растянулся на полу. Грянул хохот. Никто и не заметил скользнувшую по стене тень.

Игра Кобзаря и Йонвы достигла пика. Эти двое не замечали ничего. Казалось, сама Вселенная затаила дыхание в ожидании финального хода. Именно здесь, в «Веселой фляге», на глазах одной лишь официантки решалась судьба человечества.

На руках Глашатая осталось две карты. У Йонвы – три.
– Шестерка червей.

Слепец едва сдерживал улыбку. Кобзарь закусил губу, зыркнул на девушку. Провел пальцем по двум картам. Выдохнул.

– Король червей.

Осталась одна карта.

– Я знаю, что у тебя там.

– Да ну?

– Шестерка.

Йонва вдруг сдвинул брови. Выхватил одну из оставшихся двух карт и выбросил перед Глашатаем Смерти.

– Дама червей. Ты забираешь.

Йонва подвинул стопку к Кобзарю, держа в руках одну-единственную карту. Кобзарь, поджав губы, посмотрел на свою. Глаза его резко погрузнели. По лбу еще стекала струй-

ка пота, но он даже не задумался о том, чтобы промокнуть ее кружевным платком.

– Что молчишь? Проглотил язык? Неужели наш известный философ в кои-то веки говорит меньше, чем сто тысяч слов в минуту?

Йонва поднял подбородок.

Кобзарь мог бы сказать что-нибудь в духе: «А ты, я вижу, за сотню лет научился шутить. Заключение пошло на пользу!» Но он молчал, уставившись на карту.

– Нужно уметь признавать поражение.

«Тебе это известно как никому другому», – также мог бы сказать Кобзарь, но не проронил ни слова.

Йонва взял наручники, сгреб свиток и передал девушке.

– Разверни.

Официантка развязала ленточку и развернула бумагу.

– Что там?

– Я... – девушка покраснела, – не умею читать.

Йонва поджал губы.

– Ка... кажется, это карта Трансильвании?

– Какое счастье, что хоть это ты прочесть смогла.

Девушка поджала губы.

– Какие города?

– Эм...

– Там должны быть обведены города.

– Ки... ки...

– Китила, Сигишоара и Брашов, – донесся голос Кобзаря.

– Я уж думал, ты и вправду язык проглотил.

Йонва выхватил карту из рук девушки, затолкал в складки белой одежды. Встал. Кобзарь встал тоже.

– Уметь проигрывать красиво – искусство. Кажется, тебе оно незнакомо...

Вдруг проходящий мимо конопатый мальчишка поскользнулся. Поднос с кружками выпал из его рук, девушка с криком отскочила и толкнула Йонву – слепой повалился на бочку, но Кобзарь вовремя перехватил его запястье и помог противнику удержаться на ногах.

– Не трожь меня, – прошипел Йонва, отдергивая руку и тыча игровой картой в Кобзаря. – Слышал? Никогда.

– Нет, чтобы сказать спасибо!

Йонва швырнул карту на отбитую колоду и отряхнул длинные одежды. Наступив босыми ногами на осколки стекла, он зашипел.

– Люди... – покачал он головой. – Единственное, в чем вы превзошли остальных, – глупость.

Йонва развернулся к девушке:

– Мне даже не нужно видеть, чтобы сказать правду: в том дальнем углу за моей спиной сидит отпрыск одного из видных домов Китилы. Юнец сбегает от отца в поисках приключений, бродит по таким вшивым местечкам, как это. И ты знаешь его правду, но хранишь в секрете. Знаешь почему?

Девушка густо покраснела.

– Ты стояла у меня за спиной. Всякий раз, как юнец про-

ходил мимо, я слышал, как ты задерживаешь дыхание. Думаешь, он приходит сюда ради тебя, не так ли?

Девушка нервно сглотнула. Слова Йонвы звучали тихо и спокойно, но источали холод.

– Он никогда – слышишь? – никогда не будет твоим. Ты будешь обслуживать его, можешь отдаться ему, но никогда не станешь вровень с тем, чья булавка стоит дороже, чем твоя жизнь. Потому что ты – ничтожество. Вот они, люди, – мечтают о несбыточном, хотя даже не умеют читать!

Ты проведешь всю жизнь в этой забегаловке. Твои руки покроются цыпками, загрубеют, одежда провоняет пивом и куревом. Тебя будут лапать приставалы, и не всегда ты будешь говорить «нет». И однажды, когда ты превратишься в сморщенную старуху, к тебе придет Смерть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.